А. ПОЛИКАШИН

На Чукотке

А. ПОЛИКАШИН

На Чукотке

ЗАПИСКИ
ПОЛЯРНИКА

Издательство Главсевморпути
Ленинград • 1940 • Москва

На край советской земли

В начале июня 1935 года поезд умчал меня и группу моих товарищей из Москвы во Владивосток. Где-то далеко впереди лежала Чукотка, крайняя северо-восточная оконечность Советского Союза. Она ждала новую смену полярников. Мы ехали туда, на край советской земли.

С первого же дня пути я не расставался с картой. Предстояло одолеть 15 тысяч километров, переплыть несколько морей.

Мимо дремучих лесов Уральского хребта, по равнинам Сибири мы мчались на быстром экспрессе. Пассажиры не уставали восхищаться дикой пышностью цветов на лесных опушках, чистотой речных потоков, зелеными ковшами еще нескошенных долин. Туннели, пронизавшие скалистые берега Байкала, нас укрыли на время от холодного дыхания озера. И опять, все дальше, несся экспресс, гремя по мостам, переброшенным над могучими реками, по тысячеверстному рельсовому пути.

Встречались длинные тяжелые поезда с машинами, углем, рудою, хлебом, рельсами. Вдали мелькали трубы фабрик, элеваторы. По проселочным дорогам, идущим рядом с поездом, пылили грузовики, легковые машины...

Владивосток я увидел впервые. Бухта Золотой Рог, на берегу которой раскинулся порт, действи-

тельно оказалась изогнутой как рог. Говорят, что золотым он назван потому, что яркие восходы и закаты в ясную погоду всегда золотят просторы бухты и моря.

Тесным амфитеатром обступили бухту сопки. Почти на каждом шагу — люди, одетые в морскую форму. Рейд Золотого Рога полон солидными морскими судами. Множество катеров, кунгасов, лодок. Издали видны строгие силуэты военных судов. Ночью с дальних мысов в мутную высоту вонзаются лучи прожекторов.

Весь месяц стояла изнуряющая дальневосточная жара, дожди выпадали лишь изредка. У нас, в подмосковье, такая жара бывает лишь перед грозой. Даже ветер не освежал, а только поднимал и гнал клубы пыли.

Нас, „уэленовцев", было 25 человек. Мы работали на городских и портовых складах, комплектовали, упаковывали и документировали свои грузы. Только вечерами, когда с моря надвигалась прохлада, кончались хлопоты. Люди приходили пыльные, уставшие, долго отмывались. Иногда ходили на ближние сопки, чтобы оттуда полюбоваться городом, бухтой и заливом. Очень красиво по склонам берега длинными ступенями тянутся параллели владивостокских улиц. В тысячах окон светятся отблески заката. Быстроходные катера бороздят зеркальную гладь бухты. Над ними ломаным полетом проносятся чайки.

В один из знойных погожих дней мы собираемся в дорогу. Последняя беготня по складам, на почту, телеграф.

К причалу порта подошел восьмитысячетонный „Ительмен". В дальних рейсах он уже потерял молодость и блеск. Нагруженный до отказа „Итель-

мен“ слегка накренился на левый бок. Под водой скрылась красная полоса ватерлинии. Пароход дымил густо и черно: кочегары нагоняли пар. На палубе гремели цепи и блоки. Вздымались стрелы. В утробу трюмов уходили последние грузы.

К вечеру началась посадка. На трапе пассажиры предъявляли проездные пограничные документы. Наконец, наступила и наша, „уэленская“ очередь. Погрузились механики Конев, Картин, Кубиков, радисты Щетин, Баранов, Валентинов, метеорологи Шипов, Лиза Швец, гидролог Зверев, магнитологи.

Двое опоздали. Они прибежали на пристань поздно вечером, когда уже подняли якорь и убрали шторм-трап. Вещи опоздавших были на борту. Людей пришлось поднять на корабль стрелой. „Ительмен“ с трудом принял всех пассажиров.

Отойдя от причала и развернувшись, пароход медленно направился на рейд. С берега нам долго приветливо махали платками и фуражками.

Чудесный город лежал перед нами полукольцом, усыпанный огнями, увенчанный легким электрическим заревом. Таким и запомнился надолго Владивосток — город-красавец, крепость и гордость Приморья...

Под лопастями винта тяжело клубилась вода. Пароход оставлял за собой широкий след.

Сопки берега медленно отступали вдаль, становились все ниже, воздушней. Полоска города сужалась, как бы врастая в линию горизонта. Покружив над пароходом, улетела к берегу стайка чаек.

Вскоре кончилась бухта. Берега залива выпрямились. Мы вошли в открытые воды Японского моря. Владивосток скрылся, потом растаяли и контуры берега. Если бы не легкие толчки судо-

вых машин, не плеск разрезаемой волны, могло казаться, что мы стоим на месте.

На палубе „Ительмена“ обычная теснота. Везде бочки с горючим, лесоматериалы, самые различные грузы. Пассажирам строго-настрого запретили курить; установили даже наблюдение за „рассеянными“.

Более практичные пассажиры занялись благоустройством каютных мест. На корабле предстояло пожить кому две недели, кому месяц.

Вскоре море дало о себе знать: при слабом ветре поднялась крупная зыбь, пароход тягуче раскачивало. Оживление в пассажирских помещениях упало: часть пассажиров слегла.

24 июля впереди обозначились вершины островов. По рукам пошли бинокли. Каменистые склоны, местами скудный хвойный лес, небольшие строения на берегу—все, что можно было разглядеть. Бывалые моряки объясняли:

— Справа — это остров Иезо, Япония, а слева— японская часть Сахалина...

Корабль шел проливом Лаперуза. Вдали виднелся промысловый поселок японцев, мачты маленькой рации, фигурки людей.

Мимо „Ительмена“ проходили косяки рыбы. То и дело мелькали у бортов черные лоснящиеся головы тюленей. Проплывали обрывки водорослей, обломки деревьев. Встречались стаи чаек, бакланов, кайр. Для всех них море — богатая кормушка.

И вот мы в просторах Охотского моря. Посвежел воздух, похолодало. Затянулась дымкой даль. К ночи пришел туман. С капитанского мостика видимость не дальше четверти мили. То и дело сипло басит гудок. Пароход идет малым ходом,

наощупь. А ветер нарастает, гудит. Морская болезнь вступила в свои права: в коридорах запахло лимоном, лекарствами, коньяком. Качка ослабела лишь через два дня, когда мы уже пересекали Курильскую гряду.

Через сутки на горизонте показались сопки Камчатки. Сквозь поредевший туман можно было различить береговые обрывы, лесную зелень. На каком-то мысу показался маячный знак. За этим мысом, сказали нам, поворот в Петропавловскую бухту.

Да, место для портового города было выбрано неплохо. Бухта далеко врезается в берег и там, где устроен порт, образует как бы ковш, где колоссальная глубина начинается от самого берега. Кругом высокие, одетые лесом горы. Самый „ковш“ порта, говорят, образовался в кратере древнего вулкана. Ковш способен принять сразу десяток морских судов; он полуотрезан от бухты косою, которая служит защитой от валов любого шторма. На косе стоит памятник в честь победы над английской эскадрой, пытавшейся в дни Крымской кампании захватить порт. Издали видны бегущие по улице грузовики, зелень улиц, разноцветные крыши и снежный ковер на вершине дальней сопки...

„Ительмен“ стал к причалу рядом с другими судами. Шел мелкий, как пыль, дождь. Сходни и пристань стали скользкими, но в каютах не сиделось. Узнав, что пароход под дополнительной погрузкой простоит двое суток, пассажиры хлынули в город.

Взбирались на сопки, бродили по городскому саду, смотрели местный музей, ходили в кино. К ночи возвращались с охапками цветов и покупок.

В туманное утро 3 августа пароход, тяжко покачиваясь на широких валах мертвой зыби, вошел в Берингово море.

После Петропавловска мы увидели берег только в бухте Угольной, спустя 5 дней. Этот уголок входит в состав нашего Чукотского округа. Кругом залива — безлесные серые сопки. Далеко справа, там, где домики и палатки экспедиции, отчаливает нам навстречу лодка.

Пароход стал примерно в миле от берега. В кунгас спустили багаж работников геологоразведочной экспедиции, которые здесь должны были высадиться. Наши недолгие попутчики, проверив количество всех своих ящиков, тюков, чемоданов, бурильных инструментов, перешли в шаткий кунгас и долго, прощаясь, махали нам фуражками. С палубы дружелюбно отвечали и знакомые и незнакомые.

Стемнело, пошел дождь. Шумел разыгравшийся прибой. Мимо парохода в разных направлениях проносились тысячи морских птиц. Утки, гагары, бакланы, топорки, чайки, кулики... Что привлекло их сюда? До самой ночи не было конца птичьим сборищам.

10 августа вошли мы в Анадырскую бухту, широкую и мелководную; от близости песчаного дна вода казалась желтоватой. Далеко на берегу виднелись тупые конусы чукотских яранг. Где-то за поворотом бухты лежали рыбопромысловый поселок и Анадырь — административный центр Чукотского округа, хотя территория Чукотки здесь только началась.

Вечером 12 августа мы были в бухте Кресты. Проводили нескольких геологов в поселок, где виднелись пять яранг кочевников-олепеводов и палатки зимовщиков, еще не успевших обстроиться.

Зашли в чукотский поселок. Оленеводы, прикочевав к морю, занимались здесь рыбной ловлей.

В одной из вытащенных сетей бились крупные гольцы. Рыбу сразу пускают в разделку. Еще живую вспарывают, потрошат, распластанные тушки развешивают вялиться на солнце.

— Рыбы надо продать, рыбы,— заговорил пассажир.

— Вань-вань валюмерки,[1] — отвечает чукча.

Пришлось употребить наглядный способ. Пассажир положил несколько рыб в свой мешок, затем подал деньги. Чукчи поняли. За 15—20 рублей завалили мешок доверху рыбой...

Еще сутки плавания — и мы в прославленной бухте Провидения. В древних складках сопок еще лежат коврики снега, веет холодный, как из погреба, ветер — и мы забываем, что сейчас ведь середина августа.

„Ительмен" вошел в один из отрогов бухты. На берегу слева домики полярной станции, справа— фактория. Донеслись звуки приветственных выстрелов. Пароход им ответил гудками. Мы провожаем зимовщиков до самой станции. Берег встречает смену шумно и весело.

Маленький дом станции. Заглядываем внутрь. Тут в небольшой рубке койка радиста. Стол начальника у самой кровати. На столах книги и фото, по стенам ружья, карты, приборы. В порядке дежурств зимовщики следят за чистотой, готовят обед, топят печи.

—Не привезли ли газет? Какие у вас папиросы? Сколько простоит пароход? Когда прибудет наш

[1] Не понимаю.

новый начальник? — закидывают они нас вопросами.

Живые, возбужденные, веселые. Ни одной жалобы мы не слышим. Рассказывают, как живут — зимой охотились, ходили на лыжах в горы, держали связь с далекими поселками...

Под жилье дополнительно приспособили, утеплив, пару самолетных ящиков, оставшихся здесь со времени челюскинской эпопеи...

Беседу обрываем нехотя. Сигнальными гудками вызывает нас пароход. Скоро в путь! Радист сообщает радиограмму с Уэлена: „Лед ушел, пролив свободен, пароход может производить выгрузку“...

Спешим на судно. „Ительмен“ прибавляет пары и берет курс дальше на северо-восток, чтобы одолеть последние 400 миль, оставшихся до края Старого Света.

Восточные ворота в Арктику

...Было уже за полдень. В море играли беспорядочные блики солнца. В ту и другую сторону тянулись птицы. Встречный сдержанный ветер доносил холод близкого льда.

— Скоро входим в Берингов пролив!

16 августа появились перед нами обрывистые берега мыса Дежнева. Справа замаячил Большой Диомид, дальше—американский Малый Диомид. Вот и граница морская между СССР и США.

Покоряет удивительная красота северного пейзажа. Сколько путешественников восхищалось этим величием далекого мыса! И все же как мало художников рисовало Север. Вспоминаются восторженные строки одного путешественника — Б. Горовского, написавшего книгу „Забытые русские земли“:

„Есть ли краски, способные передать все дивные картины природы, картины до того разнообразные в вариациях своей могучей красы, что иногда невольно напрашивается вопрос: „Да полно, не сон ли это? Есть ли полотно, способное передать красоту холодного льда, голых скал, дикого Ледовитого океана?“ Нет кисти, которая могла бы изобразить волшебную картину громадного водяного пространства, сверкающего на солнце тысячами огней, цветов и переливов, спокойного, точно уве-

ренного в своей мощи, одинаково страшной как в яркий солнечный день, так и глубокой темной ночью, как в летнюю теплую пору, так и в суровую холодную зиму.

Неопытный путешественник не предположит даже, что голые скалы, круто спускающиеся в бесконечно-гладкую поверхность океана, на горизонте которого проходит лишь изредка громадная льдина, так же прекрасны, как и дивные берега широкого Нила, украшенные роскошными пальмами. Но именно в могучей величественной суровости диких северных пейзажей чувствуется какая-то мощная сила. Когда начинает подниматься с высоких снеговых вершин предрассветный туман, и красноватые лучи холодного полярного солнца розовым цветом окрашивают белоснежную пелену берега и прозрачный голубой лед, медленно ползущий громадными массами по застывшей черно-синей поверхности, — тогда только поймешь, что ни кипучая жизнь, ни роскошная флора, ни жгучие лучи тропического солнца не могут произвести такого сильного впечатления, какое производит эта дикая мощь, захватывающая своей могучей суровой красотой.

Такая картина открывается глазам путешественника на восточной стороне Чукотского полуострова, на мысе Дежнева. Этот мыс — Рубикон мореплавателей, отправляющихся в Ледовитый океан, Рубикон, за которым начинается новый мир!..“

Рубикон мореплавателей! Почти триста лет назад, в 1648 году был открыт этот новый мир „якутским казаком“ устюжанином Семеном Дежневым.

Дежнев вышел в Тихий океан на коче. Он выплыл из устья Колымы вместе с промышлен-

никами, приехавшими за богатой добычей — мехами и моржовыми клыками. Первый рейс был в 1647 году, но льды помешали путешественникам. В 1648 году выехало уже семь кочей. Четыре из них разбились; в старинных книгах почти ничего не сказано об их судьбе. 10 недель плавал Дежнев, пока добрался до реки Анадырь. Здесь он провел свою первую зимовку, строил судно, летом ушел на нем вверх по реке, основал Анадырский острог, собирал подать-ясак. В 1652 году Семен Дежнев снова спускался по Анадырю в море, открыл удачную для охоты отмель со множеством моржей.

Еще за 80 лет до Беринга эти смелые рейсы показали, что материки Азии и Америки не соединены друг с другом. Но доклад Семена Дежнева пролежал в архивах царских чиновников чуть ли не три четверти века, никем не оцененный. Только в 1736 году „отписка и челобитные“ Семена Дежнева были найдены в Якутском архиве академиком Г. Миллером, который и опубликовал затем все эти замечательные материалы.

Тяжелые льды долго мешали последующим экспедициям. Но богатства вольных и далеких чукчей не давали покоя русскому царизму. Карательными набегами стремились царские воеводы и купцы-мародеры подчинить себе чукотское население для хищной и жадной наживы. „Усмирять“ анадырских чукчей ездили казачий голова Афанасий Шестаков и капитан Павлуцкий в 1726 году. На пути судно Шестакова постигло бедствие, оно потонуло, но вплавь добрались каратели до реки Егач, где устроили тяжелое побоище чукчей. Павлуцкий ездил „на чукоч“ и в 1731 году, уничтожал дикими погромами население, отказы-

вавшееся принять царское подданство, стать „ясачными людьми“.

Расправлялись с „немирными чукчами“ жестоко, забирали у них оленьи табуны, захватывали в плен жен и детей, истребляли физически население.

Во время похода сотника Нижегородова в „чукотскую землицу“ из семисот чукчей — четыреста пятьдесят убили, в плен взяли сто пятьдесят и только ста удалось спастись.

В указах Сената политика царизма по отношению к этим северным народностям формулировалась весьма откровенно: „на оных немирных чукч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе, точию которыя из них пойдут в подданство ея императорского величества, оных также жен их и детей взять в плен и из жилищ вывесть и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам“... В этих острогах строптивые чукчи должны были „свое непостоянное житие забыть и верноподданными быть, а протчие принять и христианскую веру“. Только в 1747 году убили чукчи карателя Павлуцкого, разгромив его отряд.

...О замечательных открытиях Дежнева ничего не знал знаменитый исследователь, капитан-командор Витус Беринг, которому Петр Великий поручил в 1724 году экспедицию для выяснения того же вопроса — соединяется ли Азия с Америкой? Беринг прошел мимо устьев Анадыря, был в бухте св. Креста и Преображения, обогнул мыс Чукотский, открыл остров св. Лаврентия и острова св. Диомида. Он шел по проливу, отделяющему Азию от Северной Америки, знаменитому проливу, получившему впоследствии его собственное имя, но туманы закрыли противоположный американ-

ский берег, и Беринг не увидел его. Зимовку он устроил на Камчатке, а в 1729 году снова начал поиски. Но и на этот раз они не увенчались успехом. Только в 1741 году, во времена „Великой Северной экспедиции“ Берингу и Чирикову удалось подойти к берегам Америки. На обратном пути судно, которым командовал Беринг, потерпело тяжелую аварию около одного из островов Командорской группы (названного впоследствии Беринговым). Экипаж остался здесь на зимовку в крайне трудных условиях. Беринг в декабре скончался от цынги. Остатки его команды построили из обломков бота подобие судна и на следующее лето, затеяв опасное плавание, добрались до берегов материка. Трагическая участь постигла экспедицию, выполнившую свое тяжелое задание. Редкое полярное плавание в те далекие годы было благополучным. Так же печально кончилось путешествие купца Шалаурова, отправившегося в 1762 году, для отыскания прохода в Восточный океан, вокруг Шелагского и Чукотского Носов. Лед преградил ему путь в 1763 году, а в 1764 году вся экспедиция погибла. Позднейшие путешественники рассказывали в своих мемуарах, как чаунские чукчи нашли палатку, покрытую парусами. В ней было много человеческих трупов, съеденных песцами так, что остались одни остовы. Тут же в палатке были найдены образа, котлы железные и медные и другие вещи.

„Из сего известия можно заключить, что найденные чукчами трупы были российских промышленников, погибших тут с судном купца Шалаурова в 1764 году“, так записали полярные исследователи конца XVIII века.

Одной из интереснейших экспедиций этих лет было путешествие посланца Екатерины II, капитана

Биллингса, оставившего яркие, увлекательные записки о своем походе, обработанные и изданные Сарычевым.

Екатерина II дала своему посланцу подробнейшее „Наставление ея величества господину флота капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над географической и астрономической экспедицией, назначенною в северо-восточные части России".

„Для немаловажной пользы ученого света, — писалось в наставлении, — учредить экспедицию для открытий на восточнейших берегах и морях своея империи; для точного определения долготы и широты устья реки Колымы; для назначения положения берегам великого Чукотского Носа даже до Восточного мыса; и для положения на карту островов на Восточном океане даже до берегов Америки; и вообще для совершеннейшего познания, во время преславного ея царствования приобретенного о морях лежащих между матерою землею Сибири и противоположенными берегами Америки". Экспедиция была секретной. В Охотске для экспедиции капитана Биллингса построили два судна: „Славу России" и „Доброе намерение". Последнее при выходе из реки Охоты разбилось, пришлось строить новое — „Черный орел". Капитану дали с собой „медали нарочно сделанные для будущего употребления у диких народов... Вам дано будет, — отмечалось в указе императрицы, — 5000 рублев на покупку здесь бисеру, корольков, ножов, клепцов, медных небольших котлов и тому подобных мелочей для подарков диким, к коим они жадны..."

Биллингс изучал северо-восточный берег Чукотки, много ездил сухопутьем на оленях, собрал самые разнообразные сведения — этнографические,

исторические, лингвистические... Чукотка произвела на капитана впечатление угрюмое. Она показалась ему страной бесплодной и тоскливой. Вот интересный отрывок из его записок:

„Можно сказать вообще, что в Чукотской стране земля не плодородна, и не может быть обработана рукою земледельца. Поверхность ея везде шероховата и покрыта каменьями, а из сих камней есть такие, что всякую меру превосходят, и везде видны озера большие и малые, в которых вода скопилась от таяния снегов, и в тех озерах есть множество всякой мелкой рыбы. Нигде я не видал куска чистой земли, которую можно было бы назвать поляной или луговиной: вся страна состоит в горах и бесплодных долинах: на горах никакой травы неприметно, выключая мха, который служит пищею оленям; везде виден голой камень. В некоторых долинах торчат палочки шалниковые, очень не толстые: словом сказать вся Чукотия есть ни что иное, как громада голых камней; климат самый несносной: ничто не походит на лето до 20 числа июля месяца: около 20 августа приближение зимы весьма приметно. В Чукотии есть множество рек, которые впадают в море: однако те реки не суть достойны внимания: ибо ни одной из них нет такой, которую бы можно действительно назвать рекою, потому что они суть поистине ручьи или протоки из озер в дождливую погоду; везде можно переходить их в брод, ибо текут они по крепкому камню, и от того разливаются в ширину, а не имеют пониже своих берегов, настоящего жолоба с нужною глубиною для хода судов.

По наружному виду, рассуждая о сей стране нельзя подумать, чтоб во внутренностях ея крылись какие-нибудь драгоценные произведения природы.

Вообще Чукотия есть страна возвышенная и часто попадались нам горы удивительной вышины; инде имели мы такие пред своими глазами виды, которые вперяли в мысль нашу восторг и заставляли нас взирать на те предметы, не иначе, как с глубочайшим благоговением. По горам и в долинах во многих местах снежные кучи покрывают землю во весь год. В сей стране безлесной и гористой, великой различности в животных ниже большого количества оных быть не может. Северный олень, черной олень, беловатой волк и разные лисицы составляют все царство животных в Чукотии. Пресмыкающихся и насекомых нет, и те весьма редки. Везде приметны небольшие мошки. Во время кратчайшего тамошнего лета видны орлы, соколы, куропатки и разных родов водяные птицы; а во время зимы когда жители путешествуют, то везде за ними летают вороны..."

Поездка Биллингса была очень тяжелой. Экспедиция была плохо подготовлена к жестоким холодам, о которых с тоской вспоминает капитан: „при северо-западных ветрах, морозы были жестокие, так что из трех фунтов ртути, хранившейся в склянке и погребце, половина совсем замерзла, составила твердое тело и отделилась от другой половины, которая осталась незамерзшею. Водка, бывшая в том же погребце в штофах давно замерзла и была как лед. Каково же нам было сносить

жестокость морозов? Каждый день при пронзительных ветрах по 6 часов быть на открытом воздухе, не находить никаких дров к разведению огня, кроме мелких прутиков, местами попадавшихся, едва достаточных растопить немного снегу для питья; ибо реки замерзли до дна!..

Теперь мы знаем, что некоторые впечатления Биллингса были весьма поверхностными. В частности его легенда о бесплодии земли Чукотской давно опровергнута геологами, нашедшими здесь золото, каменный уголь и другие драгоценные и полезные ископаемые. Ценные сведения о природе края собрал известный мореплаватель Оттон Коцебу, побывавший здесь в 1815 году. Пять лет спустя, в 1820 году прибыла экспедиция под начальством Врангеля. Затем приехал на Чукотку капитан Литке, чтобы провести опись юго-восточных земель, населяемых чукчами и коряками. Но все еще Чукотский полуостров был мало исследован. Вплоть до XX века о нем знали мало.

Частые путешествия на Чукотку в начале XX века были вызваны длинной и склочной борьбой за разведки Чукотского золота, которую предприняли несколько думавших разжиться на этих операциях дельцов. Многие русские журналы и газеты начала века заполнены статьями об афере Вонлярлярского, который выхлопотал себе на 12 лет монопольное право разведок на Чукотке, но почти ничего существенного не сделал из-за бесконечных склок со своими акционерами, инженерами и разведчиками...

Эти последние экспедиции преследовали лишь сугубо коммерческие цели, научные исследования мало интересовали русских купцов и капиталистов.

Прошло много лет, но ни Берингово море, ни

Чукотская земля не были детально изучены. Эта задача разрешается теперь советскими полярниками. Они систематически изучают течения и ледовый режим морей, исследуют недра этой богатейшей земли... Страна обеспечивает эту работу организованной государственной помощью: людьми, техникой, материальным снабжением.

Триста лет в книгах не было даже точного географического изображения огромной чукотской земли. В 1926—1929—1930—1933 гг. советские научные экспедиции энергично работали, чтобы дать более детальное описание края, столь необходимое для хозяйственного строительства. Отличную работу провел летчик Кукапов, облетевший вместе с экспедицией проф. Обручева весь Чукотский полуостров для составления первой карты его внутренних частей...

И вот мы идем в этих водах на могучем морском пароходе, везем готовые запасы товаров и продовольствия для тысяч людей, слушаем в пути радио...

...Так вот он, Берингов пролив, восточные ворота в Арктику, где три года назад (1932 г.) с триумфом прошел, завершая исторический поход, славный „Сибиряков", и где стихийные силы ледяного дрейфа повернули назад пароход „Челюскин"! Отсюда каких нибудь триста миль до могилы „Челюскина", над которой зареял флаг советского ледяного лагеря. Здесь победно пронеслись на воздушных кораблях наши первые герои Советского Союза. Отсюда по всему земному шару разнеслась слава о чудесной отваге людей социалистической страны.

Наш „Ительмен" продвигался вперед, не сбавляя хода. Суровая, строгая и величавая панорама

мыса Дежнева и „Чукотского носа“ с торжественной медлительностью разворачивалась перед нами.

Тяжело проносились над проливом черные бакланы, торопились куда-то улететь утки, тянулись белые чайки. А вдалеке за нами плыли разрозненные льдины.

По обе стороны парохода бесшумно проплывали стада моржей, по 20—30 животных в каждом. Они вдруг недружно ныряли и через несколько минут снова высовывались из воды, показывая тупые морды и тяжелые сабли белых клыков.

Какое это любопытное зрелище для тех, кто видел морских зверей только на картинках! Вот он — тот дикий зверь, который дает местному береговому жителю пищу, материалы для кровли, для пошивки байдар, для корма собакам!..

Кто-то пытается с палубы сосчитать моржей, но скоро путается. Их много. Длинная, едва видная над водой серо-желтая Уэленская коса вдруг показывается за скалистым мыском „Чукотского носа“.

— Ура! Виден Уэлен!..

— Вон поселок, — показывают зимовавшие здесь доктор Фавст и магнитолог Милов. Ближний дом — райисполком, подальше — школа, между ними — яранги. А там дальше — это полярная станция...

Значит, здесь придется нам два года зимовать. Вон в тех домиках, над которыми видны спицы радиомачт.

Неровная цепь людей вырисовывается на берегу. Жители косы с нетерпением встречают гостей с материка, долгожданную почту, товары, инструменты, промысловое оружие, моторы для вельботов, топливо.

Грохают люки трюмов, вздымаются первые стропы с багажом, спускается трап...

Путь кончен! Здравствуй, Уэлен!

Новоселье

...На берегу нас удивило необычное для лета меховое одеянье чукчей, приветствовавших нас восклицанием — Этти (здравствуйте)! Вместе с сотрудниками полярной станции чукчи помогали перетаскивать с кунгаса вещи.

На косе раскинулись приземистые купола яранг, таких серых, словно сами они выросли из камня. У яранг и по берегу рыскает множество чукотских собак. Их так много, как кур в подмосковных деревнях.

По косе — ни одной дороги или тропки; вся она — громадный пологий вал серой гальки, лишь кое-где окрашенный мелкими клочками травы. Галька мелкая и крупная, отшлифованная морскими прибоями, под сапогом гремит и раздвигается как зерно. За лагуной смутная равнина тундры и далекая цепь гор.

Спешим к берегу, куда причаливают первые кунгасы с грузами зимовки. Начинается аврал по разгрузке.

Надо торопиться, ведь пароход стоит не у „тихой пристани“, а на рейде Чукотского моря, которое не сегодня-завтра, если погода испортится, прижмет к берегу льды, заставит пароход сняться с якоря и уйти от рискованной встречи со льдами. Там, в трюмах — все наши зимовочные запасы, оборудо-

вание, уголь, —24 тысячи пудов груза. Все это надо разгрузить двадцати зимовщикам и бригаде „береговых рабочих“ из чукчей и эскимосов. Пароходные кунгасы доставляют грузы к берегу, и мы по шатким сходням перетаскиваем мешки, ящики бочки, тюки, связки.

Надевай на голову и плечи капюшон из мешковины, сбрось свою городскую аммуницию, натяни брезентовые рукавицы, подставляй спину. Две пары рук поднимут на спину несколько пудов — и шагай на верх косы. Только там, метров за пятьдесят от воды, мы опускаем тяжести. Это называется вынести груз за черту прибоя.

Авралить надо круглые сутки. Ночь при ясном небе светла. День в это время продолжается чуть ли не двадцать часов.

Тяжелым показался первый час аврала. Руки, плечи, спина, колени словно свинцом наливаются, от мешков с углем краснеет шея, от проволочно-гвоздевой обшивки ящиков руки покрываются ссадинами, от бочек с горючим пятна нефти на локтях и коленях...

А грузы с парохода все поступают.

В сумерки первая смена ушла „под крышу“ на обед и отдых. К тому времени старые зимовщики отвели новым спальные места, приготовили „тройной“ по объему обед для всех участников аврала. Спали в этот день полуодетыми, чтобы в случае тревожной погоды быть немедленно готовыми к дальнейшей выгрузке. Долго длилась оживленная беседа приезжих с зимовщиками о минувшей зимовке, о новостях с „материка“...

Несколько суток был полный штиль, днем тепло и сухо, а ночью у самой воды вдоль берега сказочной россыпью искрятся морские светлячки. Погода

для разгрузки установилась хорошая. Когда проходишь по уплотненной водою ленточке мокрой гальки, то каждый шаг сопровождают теплые вспышки золотой россыпи. Невольно забываешь, что здесь ворота в Ледовитое море, а не южное побережье. Не думалось, что здесь могут быть такие теплые красивые ночи.

Через два дня, когда разгрузка еще не кончилась, вдруг серой дымкой затянулось море, рябью покрылась поверхность лагуны, порывисто подошли, гремя галькой, тревожные волны, быстро нарастал прибой. Пришлось поднять на борт парохода кунгасы, и „Ительмен“, подняв якорь, ушел отстаиваться за мыс Дежнева. Скоро исчезло и солнце в погустевшей облачной мути.

Опустело море. Только чайки да стайки уток носились над бурными волнами.

В этот день мы пошли в поселок. Легкий восточный ветерок донес до нас незнакомый новый запах. Пахнет морем, водорослями, мясом, старым погребом, морской солью и промысловыми отбросами. Чем ближе, тем сильнее этот запах. Он немного дурманит. Вот и яранги, серые, словно древний камень, приземистые. С круглых крыш свешиваются на веревках пудовые ожерелья огромных камней. Запах моря и мяса становится острее, кажется, что он поднимается от косы. Ах вот что! Тропка вьется у самых яранг поблизости к погребам, наполненным моржовым мясом.

Железным крючком, прикрепленным к длинной палке, чукча достает из открытого погреба пахучее мясо. Тут же рубит его и бросает собакам.

Уэлен... Низкорослый серый поселок без прямой улицы, без деревца и кустика, без галок и воробьев, без кирпичных труб и телеграфных столбов. Слева

и справа серосиний шелк морской воды, впереди вершина голой сопки, под ногами гремучая холодная галька, над головой купол пустынного неба.

Что же будет тут зимой во время пурги и северных сияний? Как далеко наши города и железные дороги. Что ожидает нас на этой холодной голой косе?

С нескрываемым любопытством встретили нас женщины, старики и ребятишки Уэлена. С большим интересом разглядывали мы незнакомые жилища, головы моржей на столбах, развешанный для сушки копальхен (мясо моржа), очищенные и высушенные до прозрачности кишки зверя, употребляемые для пошивки самодельных плащей... Все здесь было для нас новым.

Так вот они чукотские яранги! Многогранные, низкие стенки из досок обложены снизу кусками дерна, весь деревянный скелет купола крыши обтянут моржовыми шкурами. Поверх шкур через вершину крыши во все стороны протянуты веревки или толстые ремни. К концам их привязаны тяжелые камни; это для того, чтобы шторм не смог сорвать шкур.

Вход в ярангу через маленький тамбур с низкой дверью. Дальше чоттагин (сени без потолка). В глубине — полог в рост человека. Это прямоугольное утепленное помещение, передняя стенка которого представляет собой плотную завесу из шкур оленя. Потолок тоже утеплен шкурами, пол — шкура моржа. Дверей и окон нет. Чтобы влезть в полог, надо низко нагнуться и приподнять нижний край завесы.

Внутри яранги тепло. Над жировым светильником (состоящим из „жирников", расставленных

поодаль друг от друга) греется чайник. Пламя широких круглых фитилей, собранных из моха, равномерно освещает полог. Хозяйка железной палочкой изредка поправляет разложенный по краям жирника мох, и снова пылает огненное кольцо. Нерпичий жир, заменяющий керосин, копоти не дает, но в жарком воздухе всегда чувствуется сильный запах этого жира и копальхена.

Мебели в яранге почти нет. Чайную посуду ставят в шкафчик, едят сидя на шкуре. На стенах картинки, фотографии, будильник. На палках сушится одежда, распяленные кожи, шкурки, меховые торбаза (обувь).

Внешний вид яранг настолько схож, что нужно привыкнуть различать их по „фамильно". Впрочем чукчи, как и эскимосы, носят только имя, выраженное в одном слове, отчество не употребляется: Камыргин, Веуче, Рультытегн и т. п.

В поселке протоптанные десятилетиями дорожки. На столбы и врытые в землю кости китов подняты возле яранг байдары (чтобы собаки не грызли кожу).

В поселке увидели мы несколько деревянных яранг — в одной клуб, в двух работают и живут сотрудники фактории. А вот и европейского типа дом школы, в котором три года назад находилась рация; здесь Людмила Шрадер держала днем и ночью радиосвязь с ледяным челюскинским лагерем, дрейфовавшим за 200—300 километров. С тех пор еще остались старая мачта, оттяжные столбы, торчат под деревянной крышей изоляторы, у входа уцелели ящики с кое-какими деталями радиооборудования, но антенна уже не поет, она перенесена на полярную станцию и поднята на новые высокие мачты.

Полярная станция на Уэлене имеет свою историю. В 1932 году в поселке на мысе Дежнева группа зимовщиков построила круглый как яранга домик, установила научные приборы и начала вести ежедневные наблюдения. Собранные дежневцами материалы оказались очень ценными. Научные работники станции выяснили за год режим льдов и течений в Беринговом проливе. Было решено расширить полярную станцию, устроив ее на Уэлене и снабдив рацией. В Уэлене доступнее наблюдения над проливом, там имеется лагуна, пригодная для стоянки катера во время штормов, и есть возможность обеспечить полярников более удобным жильем. С 1933 года станция обосновалась в Уэлене. Над домиком европейского типа появилась радио-антенна. В угловой комнате оборудовали радиорубку, разместили приборы для наблюдений, книги, оружие, географические карты. Установили регулярную радиосвязь с Большой Землей и полярными рациями.

В этот год полярная зима была особенно сурова. Пурга повторялась ежедневно. Расписание научных наблюдений требовало от всех точности. Наблюдения велись ежечасно, регулярно поддерживалась радиосвязь. Почти все полярники в эту зиму хорошо „набили руку" в радиорубке. Это пришлось весьма кстати. В феврале поступила телеграмма о гибели Челюскина и устройстве на льду лагеря Шмидта. Надо было сейчас же установить самую близкую связь с лагерем. Крошечная антенна лагеря отстояла от Уэленской рации на 280 миль. Весть о „Челюскине" была для всех неожиданной. Всего несколько недель назад корабль прошел мимо Уэлена в горло Берингова пролива. Впереди в пяти милях от корпуса судна уже синела чистая

вода. Потом вдруг узнали, что льды, теснившие судно, течением потянуло обратно и ночью „Челюскин“ втащило опять на просторы Чукотского моря. Льды тяжело сжимали корабль со всех сторон и раздавили его. Ледяной лагерь Шмидта был отрезан от берега сотней миль сплошных торосов. Чукотское море оставалось неспокойным. Скрипели льды. Положение было опасным. Вплоть до апреля уэленская рация ежечасно слушала лагерь. Самоотверженная и смелая радистка Людмила Шрадер тут же передавала вести на Большую Землю. Русские и чукчи приходили на рацию узнать новости о лагере, летчиках, посланных на спасение, откликах из Москвы.

Отзывчивый и хороший народ чукчи! Много помогали они в спасении челюскинцев. Среди премированных ВЦИКом была комсомолка Гипуакай. Она организовала женщин, чтобы срочно починить всю одежду челюскинцев.

Когда это требовалось, чукчи не задумывались предоставить для спасения самое важное из своего хозяйства — собак. Ведь для перевозки челюскинцев они дали 1000 собак, проделавших огромные расстояния, подвозивших горючее, перебрасывавших партии женщин и детей и т. д.

Приехав в Уэлен, наши зимовщики с горячим интересом осматривали поселок, домик бывшей рации, ставшей исторической в славной челюскинской эпопее.

В конце поселка, у подножия сопки, мы увидели дом райисполкома и райкома ВКП(б) с флагом над крышей. Дальше — камни, горный ручей, лента лагуны и... тундра.

К вечеру в красной яранге загукала гармоника. Начались танцы. Здешние парни, как и молодые

неушки (женщины) неплохо владеют русской речью, одеты в русское платье, у некоторых от национальной одежды — только расшитые плекоты (летние низкие торбаза). Чукчанки носят обувь и на каблучках. Танцы продолжались долго.

Чукотская пляска очень своеобразна. Женщины, качаясь, изображают моржей. Мужчины показывают, как летают птицы. Иногда пляшут голыми до пояса. В медлительных ритмических движениях танец показывает бытовую, производственную жизнь народа: охоту на моржей, на нерпу, шитье одежды и шкур и т. д.

Затишье на море наступило 19 августа. Вернулся с мыса Дежнева „Ительмен". Авралы возобновились. Сняли на берег в первую очередь поросят, купленных нами на Камчатке. Из ящичных досок сколотили для них „свинарник", обили его старыми стегаными ватниками, рваными полушубками (других материалов не было). На подстилку пошла солома, выпутая из тары...

Через пару дней радио принесло нам первую радость. С острова Врангеля вылетел на Уэлен Герой Советского Союза В. С. Молоков. Это был наш первый крылатый гость. Мощный Дорнье-Валь Н-2 за 45 летных часов оставил за собой Лену, Колыму, Южную зону Чукотки, Охотское море. Зимовщики оживленно готовились к встрече. На кухне жарился свежий ростбиф для гостей, фотографы-любители проверяли кассеты.

Около семи часов вечера показался вдали самолет.

Шумная толпа окружила Василия Сергеевича и Побежимова.

Началась беседа. Нетерпеливо расспрашивали гостя, а он, как казалось нам, чересчур скупо

и медлительно рассказывал о своем перелете. Было явно заметно, что о себе Молоков говорить не любит. Только одну трогательную для нас подробность полета случайно сообщил он. Всячески экономя летное время, летчик все же несколько отклонился от трассы у Ванкарема.

— Захотелось еще разок посмотреть на Ванкарем сверху, — сказал Молоков.

Незабываема челюскинская эпопея. Ванкарем был первой точкой на берегу, куда доставили всех героических участников ледового дрейфующего лагеря.

К вечеру следующего дня пришлось обратиться к Молокову с просьбой. Наш завхоз почувствовал себя больным. Температура поднялась до 40°, начался бред. Врач констатировал признаки воспаления легких. В домашней обстановке ничего надежного предпринять было нельзя, и врач попросил меня переговорить с Василием Сергеевичем о возможности переброски больного самолетом в больницу (за 120 километров).

— Сегодня еще терпит, а завтра положение может оказаться критическим, — сказал доктор.

Молоков задумался, что-то взвешивая.

— Запросите у острова Лаврентия погоду.

— Сейчас этого сделать нельзя, Василий Сергеевич. Связи с островом нет. Метеосводки оттуда передаются только в утренние часы.

— Гм... вот что... Он окинул внимательным взглядом небо, горизонт. — Ну, что ж, приготовьте больного. Попробую. Если на острове посадку сделать нельзя, вернусь.

И приказал готовить самолет.

Через час больной в сопровождении своей жены и врача спустился в люк машины. Заревел мотор,

пропеллер в буре водяной пыли потерял свои очертания, и тяжелый Дорнье-Валь рванулся к середине лагуны, ускоряя ход. Через несколько минут, оторвавшись от воды, скрылся над горизонтом.

Через полтора часа Василий Сергеевич вернулся. Больной доставлен, все в порядке. Тщательно осмотрев машину, товарищ Молоков предупредил экипаж, что завтра вылет на мыс Шмидта...

На будничном примере зимовщики увидели достоинства этого удивительно скромного человека, его завидную выдержку, бесстрашие, высокое чувство гражданского долга.

Молоков у чукчей пользовался особым уважением и популярностью. За седые волосы чукчи звали его „ымпенахен“ — старик. А Каманина „аачек“ — юноша по-чукотски.

Около 9 часов утра 24 августа на траверзе Уэлена в одной миле от косы остановился пароход „Смоленск“. В одиннадцатом часу мы проводили Молокова. А к вечеру прощались со старыми зимовщиками.

Работы заканчиваются. Грузы на берег приняты, но добрую половину их надо снова „няньчить“, растащить по складам, убрать от опасности прибоя, сберечь от дождей и близких холодов...

25 числа один из участников аврала передал мне записку от „бригадира“ — чукчи:

> „ГУСМП начальник! У нас ребята хочет ехать томой, они говорят чийсач в селенпе Инчоун лежбище моржи охота надо по моему пока авансы выдавать деньги или пока своих деньги хочет они томой охота надо только ты держат ребята чукчей.
>
> Ну пока *бригадир Ненек*“.

Пенек запомнился с первой встречи. Человек лет тридцати, весьма подвижный, неплохо усвоил русский язык. Он понимает, нельзя бросать работу самовольно, тем более бригадиру; но так как дело идет к концу, то можно просить — бригада хочет по домам, надо на охоту, сейчас у селения Инчоун лежбище моржей, выдайте хоть авансы и отпустите.

Охотники получили расчет и уехали на промысел морского зверя.

Первая осень

Территория станции приведена в порядок. Грузы размещены по уголкам строек: продукты, которые боятся мороза, втащили под жилую крышу, в „теплый“ коридор дома, ящики со свежим картофелем рассовали под койки и в комнатах поближе к печкам; соленую рыбу, селедки, некоторые консервы, туда, где похолоднеи... За недостатком места кое-что пришлось оставить возле складов, под брезентовой защитой.

Пора подумать о себе. Ведь мы прибыли на двухгодичную зимовку. Дом и подсобные стройки требовали самого серьезного ремонта. Крыша оказалась худая, замазка с оконных рам осыпалась, зияли щели рассохшихся полов и потолков. Плотники, печники, конопатчики, видно, не бывали здесь со дня постройки станции. На стенах ни куска обоев.

Но чем ремонтировать? Не завезены ни бревна, ни доски, ни войлок, ни краски. Наше единственное богатство — сорок рулонов толя.

Решили утепляться так: самые „мокрые“ части крыши покрыли толем. На конопатку пустили клочья старых ватников, полушубков, тряпья. Механики придумали что-то вроде замазки с примесью сурика. Насыпали валом гальку к стенам дома, чтобы меньше поддувало. Некоторые печки побе-

лили... зубным порошком. Вместо обоев набили на стены пестренький ситчик. Предусмотрительно взятым во Владивостоке линолеумом покрыли полы в кают-компании и комнатах. Щели на потолках и в тесовых перегородках между комнатами заклеили бумагой.

Каждый зимовщик как мог „утеплил" и „украсил" свою комнату, навел чистоту.

Не обошлось без курьезов. У одного старого зимовщика Никольского, спавшего на толстоногой кровати с „шишками", возникла идея использовать цилиндры кроватных ножек под „пепельницы". Не слезая с койки, он отвинчивал шишку и опускал окурок в цилиндр. К нашему приезду заканчивалось наполнение четвертой ножки.

Проявили инициативу и жены некоторых зимовщиков. Вымыли рамы, оклеили стены и потолки, отскребли грязь с пола кают-компании, помогли украсить красный уголок, принесли цветы, собранные на сопке. До самых морозов букеты красовались у нас и в комнатах и на общих столах.

Чукчи приходили в гости, часами сидели у нас в кают-компании, с любопытством наблюдая за нами. Уйдут одни — на длинную скамью усаживаются другие. Появляются ли в комнате картины, новые часы, наклеивается ли на обои самодельный бордюр, пристраиваются ли на окне кружевные занавески — чукчи широко улыбаются:

— Ка-ахкуме (удивительно)! Немельхен! (хорошо), немельхен!..

Они уже знают всех нас по фамилии, по специальностям. Станцию они называют не иначе как „Гусемпе". С большим уважением смотрят на бочки с горючим: „Гусемпе" их много раз выручало. Вот „немельхен", что вернулся старый доктор Фавст,

что в „Гусемне“ есть три механика, которые могут чинить моторы...

Интерес к технике у чукчей колоссален. Даже неграмотные хорошо управляются с моторами, сами ремонтируют их. Один из зимовщиков Чукотки в своих воспоминаниях рассказывал об интересном случае. Раз, во время охоты, во льдах сломался винт моторного вельбота. Чукчи тут же выточили винт из моржовой кости и продолжали охоту. Особенно велик интерес к авиации. Известно, что летчик Каманин увез с собой в военную часть молодого чукчу Тынаэргина, мечтавшего овладеть искусством полета. Тынаэргин теперь хороший моторист и упорно учится. А ведь буржуазный ученый Свердруп некогда утверждал, что чукчи смышлены лишь... в детстве! Как невежественно, как нелепо это мнение!

Из этих бесед мы поняли, что национальную дружбу с чукчами надо укреплять, прежде всего, взаимопомощью...

Заботы наши все умножались. Например, доставка пресной воды для нас, как и для прежней смены, явилась проблемой. Ключевая вода есть где-то у подножия сопки, за полтора-два километра. Туда надо добраться по лагуне байдарой, волны часто опрокидывают в байдаре все бочки. Большей частью мы добывали воду из льда, выброшенного на косу морем. Этот морской лед в теплом воздухе преснел. Льдины мы кололи на берегу и набивали льдом железную бочку, вмазанную в кухонную плиту. Через 3—4 часа накапливалось около десятка ведер воды. Эта вода безвкусная, как бы дистиллированная, с некоторым привкусом морской соли. Но к этому мы скоро привыкли.

К концу августа на берегу дотаяла последняя льдинка! Все-таки пришлось нам налаживать до-

ставку воды с сопки, пользуясь очередным затишьем на лагуне. Установили очередь. Воду возили вдвоем в бочках на байдаре. Байдара — „корабль" неустойчивый. Водить ее надо умеючи.

Над эпизодом, который произошел 29 августа, немало у нас посмеялись.

Рабочий Ситников с завхозом поплыли за водой. Волна на лагуне была небольшая. В легкой байдаре быстро дошли они до дальнего берега, где в русле горного ручья был вырыт небольшой колодец. Натаскали в бочки воду на байдару, оттолкнулись от берега. Ситников сел на весла, завхоз взобрался на высокую бочку и под плеск весел замечтался. Отплыли метров сорок. Ситников ускорил ход лодки. Завхоз вдруг потерял равновесие и с бочки свалился в воду. Волна хлестнула — байдара осела, качнулась — и вместе с бочками... пошла ко дну. На счастье глубина оказалась такая, что можно было шагать по дну. Бочки подняли, выкатили на берег, снова наполнили, и стирка белья все-таки состоялась.

...Ночью засыпавшие зимовщики вдруг услышали говор в кают-компании. Оказывается, пришел вельбот чукчей. Не обошлось без приключений. С вельботом вернулся доктор Фавст. Удалившись от острова Лаврентия километров на тридцать, они встретили сильный ветер. Бывалый доктор высадился в ближайшем чукотском селении, остальные продолжали путь морем, надеясь на скорый штиль. Но через час ветер удвоил силу, и волны стали бросать вельбот из-за огромного прибоя. Потом сломался руль, вельбот упорно прибивало к берегу, грозя разбить о скалы. Казалось, дело гиблое. К счастью, дотянули до эскимосского селения Наукан. Здесь, в ущелье, ветер задул

в обратную сторону, и вельбот отогнало в море... Отдышались гребцы, успокоились пассажиры. Но тяжелый путь будет памятен надолго: вместо нормальных двенадцати плыли... сорок пять часов!

Наступил сентябрь. На вахтах новая смена деятельно ведет записи температуры ветра, осадков, влажности воздуха, магнитных отклонений и т. д. Рация в часы расписания перекликается с мысом Шмидта, Анадырем, Хабаровском, иногда с Москвой. Аэролог Жуков и наш рабочий Ситников запустили пробного змея. Змей огромный, с „дюраллюминиевым скелетом". Его пускают ввысь на тонком проволочном тросе, с метеорографом-самописцем. Змей уходит к югу под углом в 53°, натянутая проволока звенит, выматываясь с лебедки на полтора километра. Потом аэрологи долго сматывают трос обратно, наблюдают, записывают поминутное повышение змея, силу ветра на разных высотах, температуру...

Кончилось скудное полярное лето. Участились ветры, чаще хмурится небо, наползают туманы, бушует прибой.

...Гидролог Зверев со своей командой выехал на катере в пролив, чтобы промерять глубины, измерять течения. Для объезда косы и захода в лагуну могло нехватить горючего. Решили оставить катер на двух якорях в море против станции. Потом об этом пожалели. Скорость ветра достигла 22 метров в секунду, засвистала антенна. Начался шторм. Сквозь мглу смутно было видно, как вздымался и опускался катер на волнах. С берега ничего нельзя было предпринять. Зверев нервничал и ночь почти не спал. Утром, едва прозвонили побудку, он влетел с берега в дом, требуя помощи. Катер уже в 50 метрах от берега, и его может скоро

выбросить. Надо добраться до катера и отвести его дальше в море!

Помогал весь коллектив. К байдаре привязали конец 150-метрового манильского троса; это на случай, если опрокинет и придется спасать людей. Зверев и трое механиков: Копев, Кубиков и Картин решили „ехать“. Но к воде не подступиться. Волны пятиметровой высоты ударяли в берег, гремя тяжелою галькой. Все были мокры от брызг, но решимость назрела. В байдарку вскочили четверо и с бешеной спешкой отгребли от берега. Однако новая волна с грохотом вышибла из байдары Картина, потом еще двоих. Байдара взвилась, кувырнулась в волне и стала отдаляться, волоча за собой тонкий трос. Все попытки вытянуть со дна якоря оказались напрасными, их завалило галькой. Выбившись из сил, все трое направились обратно. У берега опять ожидали более спокойной волны. Снова проскочили сквозь пену и грохот. Но настиг новый вал — и началось второе купанье. Измученные „купальщики“ побежали переодеваться, они были бледны и устали. Шторм шумел попрежнему, ветер не ослабевал, валил с ног.

— Теперь каждую пятидневку жди шторма, — сказал один из старых зимовщиков.

— Полюс дышит, — шутливо отозвался кто-то из „купальщиков“...

В первых числах сентября со стороны Аляски вечером прилетел изящный спортивный моноплан. Прибыл американский летчик Биллар, который в сопровождении одного из английских советников в Мексике совершал „кругосветное“ путешествие. Советник направлялся по делам в Лондон, но почему-то предпочел пересечь всю Азию и Европу, чем ехать кратчайшими путем через Атлантику.

Гостили они у нас два дня в ожидании благоприятной метеосводки из Анадыря, танцевали с нашей молодежью, играли в настольный биллиард. Разговаривать с ними было трудно. Наш повар, бывший когда-то боцманом, кое-как изъяснялся на ломаном английском языке. Мы же отделывались мимикой. Было досадно, что Главное Управление Северного морского пути не организует для работников зимовок обязательное изучение иностранных языков. Здесь, в тиши полярных вечеров, замечательно можно было бы заняться этим.

7 сентября, после поездки на остров Лаврентия, вернулся наш доктор. Он отвез письма зимовщиков на отходящий пароход и проводил в путь одного больного товарища. Доктор почти не выносил качки, поэтому прожил в яранге одного из береговых поселков десять суток в ожидании погоды и попутного вельбота.

— Чем же вы там занимались, доктор? — иронизировали зимовщики.

— Ждал у моря погоды. Моржатину ел. Чего и вам желаю, — ухмылялся тот, накидываясь на горячий обед.

Вечером девятого катер вернулся. Ездил гидролог Зверев. Он интересно рассказал о дорожных впечатлениях. На пути в Уэлен много раз видели китов и кашалотов. Киты спокойно проходили совсем близко от катера, и команда, сбавляя ход, подолгу наблюдала, как движутся огромные животные, как извергают они мощные фонтаны и высовывают из воды свои чудовищные спины и головы...

В эти же дни, нам, жителям зимовки, тоже посчастливилось увидеть кита совсем близко. Кто-то заметил в тридцати метрах от берега спину плывущего кита. Все бросились ближе к воде. Это был

молодой кит, весом, пожалуй, в тысячу пудов. Зимовщики побежали за винтовками, хотя многие прекрасно понимали, что винтовочная пуля для животного с такой толстой кожей и жировым слоем в четверть метра не страшнее, чем укол булавки. Рассказывали о случаях, когда эскимосы и чукчи без промаха расстреливали по киту ящик винчестерных патронов — но кит все же уходил от них. Без китобойной пушки с крупными разрывными патронами его не взять. Желанием поохотиться на кита в этот раз были охвачены все: ведь это дало бы нам целый склад прекрасного мяса, жира и ценного китового уса! Особенно загорелись у всех глаза, когда кит повернул к самому берегу и на светлом фоне донной гальки стал почти отвесно вниз головой, заманчиво высунув из воды большие плавники хвоста. Теперь едва ли десять метров отделяло нас от него и было ясно видно, как он передними плавниками могуче клубит воду, размывая поверхность дна.

— Э, да у него наступил час обеда, — шутливо пробасил один из охотников.

Шутка была близка к истине: размывая подводный грунт, кит, повидимому, набирал в свой огромный рот воду со всплывшими со дна ракушками и морским растительным „винегретом“.

Вдруг, заслышав шум, гигантское животное резко повернулось и, едва высовывая из воды спину, быстро ушло прямо в море. Так охота и не состоялась.

Наши соседи

Скоро кончилась „летная“ погода. Утро 12 сентября наступило хмурое. С каждым часом нарастал ветерок. К 11 часам он уже доходил до 20 метров в секунду. Гремя по гальке, покатились к лагуне гонимые ветром пустые консервные банки. „На улицу“ выбегали только вахтенные наблюдатели. Огромный прибой возобновил осаду косы. Запела антенна и оттяжки мачт. Загудело в топках печей от удесятиренной тяги. В доме из-под пола так поддувало, что в кают-компании пузырем вздувался тяжелый пласт линолеума. На крыше загремели старые железные листы.

Рабочий Ситников, вышедший полюбоваться прибоем, вдруг заметил, что катер сорван с якорей и вместо 150 метров от берега находится уже в 40. Бросился в дом за людьми. Пока сбежались, восьмитонный катер выбросило на берег. Волны докатывались до него и били в борт гремящей галькой, раскачивая железный корпус и изредка переваливая катер с одного бока на другой. С палубы было смыто все, кроме крепко привязанной бочки горючего.

Спешно организовали аврал, пришли помочь чукчи. Нашли бревна, доски, привязали тросы, и к вечеру, после долгих потуг, катер удалось немного оттащить от прибоя. Катерной команде

предстояло много работы. В трюм прошла вода и галька, обшивка была смята и содрана. Обнаружили слом одной из лопастей винта, накопившуюся по бокам ржавчину.

Еще несколько дней гремело море. А 18 сентября к нам в Уэлен должен был прибыть ледокол „Красин“ и высадить синоптика Латвина. Узнав о большом прибое у косы, „Красин“ двинулся за мыс Дежнева и там в шлюпке высадил синоптика. К утру Латвин дошагал пешком в Уэлен, оставив свой багаж в Дежневе до первой нарты. 20 километров тундры он пересек по компасу.

Рано поднял нас утренний звонок 20 сентября. В доме было непривычно светло. Причину быстро разгадали: коса за окном была покрыта ровным покровом полярного снега.

...Ветер продолжал дуть с северных румбов. Неустанно и тревожно шумело море. Под свинцово-серым небом оно казалось мрачным и злым. Даже морским птицам не сиделось на месте. Чайки, словно обессиленные, низко кружились над волнами, изредка припадая к воде, чтобы схватить добычу. С береговых скал к лагуне неслись бакланы.

При сильном ветре собаки, свертываясь в клубок, прятались в тихие уголки. Люди почти не выходили из жилищ и только научные сотрудники пробегали для наблюдений к метеорологической площадке, в круглые домики магнитолога и к морю. Наши постоянные гости, чукчи, сидели в кают-компании, курили, с интересом слушали новые пластинки. Патефон для них вовсе не диковинка. В Уэлене он имеется во многих ярангах.

Наши гости тоже одеты по-новому. На них не самодельные „дождевики“, сшитые из прозрачных кусков высушенных и специально обработанных

кишок моржа, а настоящие прорезиненные плащи, кепки, фуражки, вместо старых нерпичьих штанов — суконные брюки. Головы у многих побриты, аккуратно пострижены... При входе в дом они по европейски снимают головной убор, вытирают ноги, на пол не садятся, пользуются пепельницей. Словно оправдывая свой случайный приход, после приветственного „этти!“ кто-то говорит:

— Этки е (плохая погода)! — и спрашивают разрешения занять скамью: „утку мачна“ (здесь можно)?

Музыку слушают с большим интересом. Чувствуется, что в нашу кают-компанию ходить им приятно. Тесно, но никто не уходит. Доктор, пользуясь сборищем, что-то в уголке объясняет и показывает иллюстрации в большой книге. Пользуемся всяким удобным случаем для работы с чукчами.

Старая чукотская яранга была гнездом грязи, духоты и дикого быта. Чукчи не мылись всю жизнь, не знали белья, мыли посуду слюною, ели сырое и не соленое мясо, „лечились“ у шаманов, были сплошь неграмотны, не имели своей письменности.

Теперь в яранге не редкость зеркала, часы, обитатели ея пользуются мылом, полотенцем, зубной щеткой.

Путешественник Борис Горовский, проезжая в начале века по Камчатским и Чукотским землям, писал в своем дневнике: „я предложил чукотской девушке кусок мыла, показав на ее собственной руке, как надо употреблять его; чукчанке это мытье как будто понравилось, по крайней мере она смеялась от души, но только я успел отвернуться на одну минуту, как уже половина куска была ею... съедена“.

Теперь все это звучит почти анекдотично. На парфюмерию спрос велик. Чукчи стремительно осваивают навыки быта культурного, гигиеничного. Это проявляется во многом.

В летние дни завесы полога яранги поднимаются, чтоб воздух был свежее. Чукчи покупают белье, готовое европейское платье, употребляют керосин для ламп, бензин для рульмоторов, разнообразнейшие товары бакалеи, гастрономии, галантереи.

Но все же работы много и внимательно надо присматриваться к некоторым пережиткам старины, поверьям, слухам, чтоб знать как действовать в тех или иных случаях. Вот несколько интересных случаев, с которыми пришлось столкнуться за время жизни на Чукотке.

Многим известно, что чукчи не любят продавать живых оленей. Дело тут вот в чем. В конце XIX века американцы вывезли в Аляску несколько тысяч оленьих маток. В эти же годы на Чукотке появилась сильная эпидемия — причина гибели многих оленей. Шаманы распустили тогда слух, что падеж животных объясняется продажей оленей на чужую землю. Это мстят духи. Чукчи с тех пор перестали продавать живых оленей. Купить на Чукотке можно только оленье мясо. Традиция эта сохранилась надолго. Вот почему было так трудно купить для питания челюскинцев живых оленей. Пришлось прибегнуть к помощи наиболее передовых чукчей, комсомольцев и культурных охотников, которые уговорили своих товарищей продать для челюскинцев живых оленей.

Эти отсталые настроения пытаются искусственно поддержать шаманы, пользуясь ими в своих личных целях.

Шаман Хатля в Уэлене пытался убедить своих земляков в том, что когда дети ходят в школу, то морской зверь удаляется от берегов.

В селе Чегитун у шамана была другая уловка. Он запрещал ловить рыбу и продавать ее русским, пугая их тем, что „рыбы, мол, в речке не будет". Но комсомольцы уговорили продать рыбу „на пробу". Так как „пророчества" не оправдались, то чегитунцы стали постоянными продавцами рыбы для зимовки.

...Но сила шамана пропадает. Все меньше слушают его чукчи. И очень мало прибегают к его помощи или совету. Школу, ликбез, врача — вот что чаще всего требуют чукчи и эскимосы. В районе семь факторий, семь полярных станций с радиоустановками, промысловая станция, открыто двадцать две школы. Половина чукотских детей учится (а ведь накануне революции на Чукотке учились только 60 детей). В ликбезах и школах для малограмотных занимаются более семисот взрослых чукчей и эскимосов. В селениях Инчоун и Чегитун и некоторых других колхозники сами без помощи района построили хорошие утепленные помещения для школ. В селениях Аккани и Нуньямо без ведома РОНО были „самостийно" открыты школы. В Уэлене по просьбе чукчей открыли пятый класс, хотя школа была тесна. Стремление к знаниям огромное. Лучшие друзья и советчики чукчей — учитель и доктор. С интересом читаешь один эпизод из записок о чукчах капитана Биллингса. Он описывает, как чукча лечил своего сына. Как мало это похоже на жизнь чукчей сейчас!

„...По утру Имлерат делал жертвоприношение с обыкновенными обрядами для испрошения у бо-

тов выздоровления сыну своему, нечаянно заболевшему. Убили трех оленей, содрали с них кожи и, отняв головы, расставили их по сопкам одну близ другой. Посредине между ними поставили больного, так что одежда его касалась до тех голов. Потом подошла одна старуха и, пробормотав несколько слов в уши оленьим головам, зажгла можжевеловую ветвь и с онною обходила кругом больного несколько раз. В следующие две ночи шаман занимался колдовством над больным и за то получил в награждение двух оленей: но так как все сие не помогло больному, то по совету шамана принесли в жертву любимую его собаку, и 14 числа по утру ее закололи с таковыми же обрядами, как было наблюдаемо при жертвоприношении оленей и так же бросали кровь в 3 стороны. Содрав с собаки кожу, завернули в онную отрезанную собачью голову, брюхо распороли и рассматривали с великим вниманием внутренность: наконец вымазали больного собачьей кровью и водили его кругом жертвы".

Все это отживает, уходит в прошлое...

С каждым днем крепнет наша дружба с чукчами, крепнет доверие к нам — людям с Большой Советской земли.

За окном насвистывает ветер. На стене деревянной яранги, которая находится против окна, взлетает в южную сторону обрывок привязанной веревки. Я привык, еще не выходя из дома, определять по этому обрывку направление и силу ветра.

Против нашего дома на высоком столбе укреплен вращающийся ветроуказатель. Это полосатая, суживающаяся к концу труба, сшитая из прочной парусины. Широкий конец трубы пришит к толстому металлическому кольцу, привинченному

к металлическому вращающемуся стержню. Упорный полярный ветер дует в это кольцо, и труба, прозванная „колдуном", вытягивается по направлению ветра.

Для определения направления и силы ветра имеется на станции еще так называемый флюгер. Как обычный флюгер, он указывает направление ветра, а металлическая доска, одной стороной надетая на горизонтально расположенные шарниры, отходит по вертикали настолько, насколько силен ветер. Полярный ветер мало считается с этим прибором. Был случай, когда штормом сорвало и эту металлическую доску, забросив ее в прибрежный снег.

Наиболее точным прибором измерения силы ветра является на станции электрический анемометр. Это обыкновенная „вертушка" из крестообразно расположенных ложек-полушарий. При слабом ветре они вращаются легко и беззвучно, при сильном—жужжат, вертясь вокруг своей оси. Количество оборотов отмечается на особом циферблате. Электрический анемометр передает свои показания по электропроводу с крыши в любую точку; у нас он был связан со шкалой, пристроенной в комнате метеорологов. Не вставая из-за своего рабочего столика, метеоролог в ненастную погоду мог в доме получать сведения и делать в „дневнике наблюдений" ежечасные отметки о режиме ветра.

Через несколько дней, когда прибой ослабел, к Уэлену подошел пароход „Смоленск". К нам прибыл парторг Семин, привезли оборудование для мощной батареи II-10: свинцовые пластины, стеклянные банки для кислот. Все это было необходимо мощному аккумулятору, который накоп-

лял бы электроэнергию, вырабатываемую ветродвигателем.

Буйная погода спутала наши планы. Катер, недавно выброшенный на берег штормом, мы уже успели отремонтировать. В порядке аврала с помощью чукчей мы спустили его к воде, не дотянув до нее лишь два метра. На несколько часов затихло море, подул с юга ветер, на косу набегали лишь ленивые отплески зыби. Мы разошлись на отдых, рассчитывая спустить катер на воду рано утром...

Но полярное море коварно. Новым северным штормом началось утро, зашумели волны, и тяжелый катер, приготовленный к спуску на воду, снова, как котенка, выбросило на старое место (метров на тридцать пять дальше). Пропал весь наш труд. Снова потребовалась „дубинушка". Помощь оказала команда пароходного катера: протянули трос к своему катеру и наш бедствующий „корабль" под многоруким нажимом с берега послушно сполз на воду, качнулся, отделился от берега... „Спасенный" катер мы осторожно отвели в лагуну.

К берегу подошли льды

В середине октября выпал обильный снег, подморозило, лагуну за одну ночь затянуло ровным ледяным покрывалом. Грязно-желтая шуга появилась у морского берега, с севера пришли первые льды. Утки, бакланы, гагары, чайки, кулики, даже вороны и полярные совы понеслись над проливом к югу.

Особенно дружно летели утки. Густыми стаями, цепочками по нескольку сотен птиц в каждой, с шумом летели они с северо-запада вдоль берега над лагуной в морской простор.

Наступил осенний праздник охотников. Каждый день над косой то и дело раздавались выстрелы. Без промаха стреляли даже начинающие. Да и как промахнуться, если над головой, чуть выше яранг проносится густая стая в несколько сотен птиц сразу. Стремительно проносились они с каким-то жестяным звоном, гремя крыльями, будто боясь отстать от своего неутомимого вожака. Охотник, не метясь, мог целить в часть стаи. Чукча Линой одним выстрелом выбил... 11 уток.

Охота велась целый день, ибо после одной стаи через несколько минут летела вторая, третья, четвертая, десятая, и так до ночи...

Население Уэлена не спало. В ходу были все дробовики, трофеи исчислялись десятками уток на каждое ружье.

Даже ребята стали охотниками. Хитроумно без выстрела добывали уток. Они употребляли для этого простой и остроумный „прибор". Пять-шесть шнурков длиною в полметра связали концами в один узел, куда заодно затягивалось птичье перо. К другим свободным концам шнурков привязывались тяжелые, как камешки, коренные зубы моржа (искусственно закругленные и имеющие дырочку для шнурка).

Действуют ребята-охотники так. В правой руке общий узел, в левой косточки, сложенные вместе. Когда стая близко проносилась над головой, маленькие чукчи размахивались, отпускали косточки из левой руки, а правою закидывали шнурки вверх на уровень подлетающей стаи. На лету шнурки растягивались косточками в разные стороны, как лапы паука. Стоит утке захлестнуться крылом хотя бы за один такой шнурок, она теряет способность летать и падает. Дети схватывали, догоняли бегущую по земле утку и тащили ее в ярангу. От двух до десяти уток добывали маленькие охотники.

Казалось бы, что такое побоище надо ограничить, но самый грубый подсчет показывает, что из пролетающих над Уэленом уток выбивают лишь тысячные доли процента, до того обильны птицей здешние воды...

Когда поверхность лагуны затянулась льдом и дали побелели от снега — перелет уток через косу прекратился.

Пустынным стало море. Ветер пригнал к берегу льдины.

Приближались ноябрьские праздничные дни. Мы готовились встретить годовщину Великого Октября. Хотелось для чукчей поярче обставить праздник. Вычистили, вымыли дом, рацию, жилую

ярангу. Украсили кают-компанию. Сделали несколько электрических лозунгов над входом в дом и на вышке главного здания.

В программе намечены были также короткий митинг, спектакль, танцы, премирование ударников. „Сверх программы" придумали устроить катанье на аэросанях. Со времени челюскинской эпопеи на станции без употребления стояли трое аэросаней. Были они без присмотра под открытым небом. Плоскости лыж и другие металлические части саней покрыла ржавчина; моторы в течение полярного года под дождем постепенно потеряли свой рабочий вид, портились. Кроме того, мы учитывали, что оставить сани в таком состоянии нельзя, всегда может потребоваться их немедленный пуск, а моторам явно нужна переборка и проверка.

Взялись за дело. Подготовили двое аэросаней, чтобы в день праздника покатать на них чукотских школьников, активистов и стариков поселка.

И вот 6 ноября было решено провести „репетицию" пробега, проверить сани. Толстый лед на лагуне был прикрыт ровным слоем плотного снега. Это было лучшее поле для разгона. В облаке снежной пыли аэросани с ревом сползли с косы на лед. Мотор четко работал без перебоев, за винтом пропеллера оставался снежный вихрь. Неуклюже толпились „провожающие". В кабину сели механик Картин, аэролог Жуков и рабочий Циблин. Водитель — механик Кубиков с перевязанной больной рукой уселся рядом с парторгом Семиным. Напористо двинулись аэросани вдоль лагуны. Я отправился в типографию поселка Уэлен, недавно организованную после привоза из Анадыря инвалидной ручной „Американки", тюка бумаги, банки типографской краски, русского и чукотского латинизи-

рованного шрифта. В крошечной пристройке к одной из яранг разместилось новое „промышленное" предприятие. Прорубили два окошечка, поставили чугунную „буржуйку", высунув на улицу тонкое колено дымящей железной трубы.

Молодые чукчи, комсомольцы Гиу и Китай закончили набор праздничного материала для нашей двухстраничной газеты. Портреты Ленина и Сталина чукча-рисовальщик Вуквол вырезал на кусочках линолеума (цинкографии у нас ведь не было). Изредка я поглядывал в полуоттаявшее стекло окошка на лагуну. Мы кончили верстку газеты. Вдруг шум аэросаней оборвался... В чем дело? Выбежал к берегу и увидал в конце лагуны у подножия сопки аэросани, лежащие на боку. Возле них стояло несколько человек...

Значит, беда. Бросился к месту аварии. Рядом с аэросанями стоял водитель с ссадинами на лице. Около бродили „пассажиры". Парторг Семин лежал на снегу с окровавленным лицом.

Пропеллер саней разлетелся в щепки, металлические усы погнулись, покривилась одна лыжа, были выбиты несколько стекол.

Семину было плохо.

— Что с вами случилось, Алексей Михайлович?

— Кувырнулись... бок болит... ничего... — с трудом ответил он.

Молодой чукча побежал на медпункт за доктором. Через минут двадцать примчалась нарта с доктором Малиновской. Мы осторожно перенесли Алексея Михайловича на нарты, уложили на захваченные доктором олеиьи шкуры. Привезли на медпункт, где доктор сделал первые перевязки

Потом почти три недели Семину пришлось лечить свои раны.

Наступил день 7 ноября 1935 года. Скупо блеснули на востоке холодные лучи солнца, опять потянулась поземка.

В полдень к полярной станции подошла из Уэлена колонна человек в полтораста: чукчи, русские, взрослые и школьники — гости из эскимосского Наукана. Они несли портреты любимых вождей, маленькие транспаранты, на груди у многих были красные бантики. Все тесно окружили высокое крыльцо нашего дома. Начался митинг.

— Товарищи! Мы первыми в СССР открываем праздничную демонстрацию. Солнце восходит с востока. Уэлен — самая крайняя восточная точка советского побережья. Наш день начался ранее московского почти на десять часов. Праздничное шествие столицы начнется только через восемь часов. В этот день страна снова оглядывает свой пройденный путь, подводит итоги стройки, своего роста.

Много нового, радостного у нас в отдаленной Чукотке. Партия и советская власть изменили облик Чукотской земли. Открыты тридцать новых школ, больницы, советские магазины. Успешно осваивается Северный морской путь. Вот сегодня у нас вышла первая в Чукотском районе газета („Ленинский путь“). Вы прочтете ее на своем родном чукотском языке. А ведь еще два-три года назад чукчи не имели своей письменности. Теперь неграмотность ликвидируется, доходность колхозов растет, дружба народов крепнет на наших глазах. Да здравствует коммунистическая партия! Да здравствует Великий Сталин! Да здравствует и растет дружеская взаимопомощь наших народов!..“

Выступление повторяется на чукотском языке. Дружно аплодируют. Радость такая же в этот день, как у нас, бывало, всегда на материке.

Колонна зимовщиков вместе со всей демонстрацией шествует в поселок, присоединяются на ходу дети, женщины, ожил весь тихий Уэлен. Возле райисполкома, где трибуной служит холм с погребом для копальхена (моржового мяса), митинг повторяется... Реют на снежном ветру багряные знамена, на крыше рика упруго плещет праздничный красный флаг.

Через час демонстрации начнутся на Камчатке, потом во Владивостоке, затем в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Урале, Москве...

Вечером в доме станции тесно. Сдвинуты в кают-компании запасные столы. „Мобилизован" весь запас столовых приборов. У нас гости — представители районных организаций из Уэлена.

Зимовщики как-то особенно подтянулись, все одеты по-праздничному. Запахло одеколоном. Нарядились наши женщины.

Читаем приветственную радиограмму из ГУСМП: поздравляют с праздником соседи — другие полярные станции. До позднего вечера веселая музыка звучит в доме станции.

Потом многие провожали гостей в поселок. Весело было и в „Красной Яранге". Ставился двухактный спектакль, а затем на сцену поднялись чукчи с бубнами, начались столь новые для нас, изумительно ритмичные, картинные чукотские и эскимосские танцы. Кляули и неушки (мужчины и женщины), танцуя, изображали сцены охоты, движение вельбота, удачную стрельбу, ликованье над трофеями, поездку на нартах. Даже старики танцовали с удивительной живостью и пластичностью в такт звону бубна.

Зимние будни

Лишь неснятые флаги напоминают о празднике.

Наступили будничные трудовые дни. Небо прояснилось. Наш аэролог Жуков тащит „под уздцы" в Уэлен самодельный аэростат, который не удалось запустить раньше. Метрового диаметра шар еще опоясан красной лентой с праздничным лозунгом. Внизу на тонких стропах подвешена игрушечная гондола. Для увеличения подъемной силы „стратостата" к нему прицеплены небольшие подсобные шары.

С обоих концов поселка быстро сбежалась толпа. Больше всего заинтересованы школьники. Раздается полушутливая команда: „Отпускай!" Шар-пилот вздымает вверх и, плавно поворачиваясь, уходит все выше в небесную синеву. Потом уносится за лагуну.

Дни становились короче. К середине ноября ночь стала занимать большую половину суток. Возрастал расход керосина.

К зиме мы все же „вышли" из положения.

Каждый вечер по расписанию до полуночи под крышей дома мерно стучал двигатель Л-6. Без него наша механическая мастерская могла обойтись, и он использовался для электрификации жилых и служебных помещений. Собрали обрывки осветительного шнура, ролики и прочую арматуру

по чердакам, в райисполкоме, в доме школы, где раньше была радиостанция.

К нашему яркому „огоньку“ приходили гости — чукчи. А какая была радость, когда вечерами над столом в кают-компании, в рубке рации, в жилой яранге одновременно вспыхивал электрический свет!

В середине ноября с мыса Шмидта прилетели гости — полярный летчик Богданов с бортмехаником Баниным.

Они сейчас же принялись за работу. На следующее утро Богданов вылетел с гидрологом Зверевым на ледовую разведку над Чукотским морем, затем пришла очередь аэролога Жукова. Пристроив к самолету самопишущий метеорограф, аэролог больше двух часов производил свои наблюдения с высоты в три с половиной километра. На ленте метеорографа фиксировались все зигзаги подъемов и спусков, изменения температуры на высотах и т. д.

Нашего аэролога интересовала проблема обледенения самолетов в местных условиях. С помощью Ситникова он кончил „сооружение“ метровой модели самолета. Центр модели укрепили на высоком столбе возле метеоплощадки. „Самолет“ жужжал на полярном ветру, день и ночь плоскости крыльев порывисто покачивались. Через две недели наши конструкторы заявили:

— Машина без посадки налетала 350 часов. Как видите, мы обошлись без масла, без горючего и даже без мотора...

Метеорологи тоже остались довольны. Самолетный флюгер можно ночью не освещать, он и так виден. А по жужжанию даже силу ветра легко определить.

С полярной станции Сердце-Камень в эти дни пришла тревожная радиограмма: „У нас двое боль-

ных, один ранен. Пришлите скорее врача." С летчиком Богдановым вылетела районный врач Малиновская и наш парторг Семин, уже оправившийся после болезни.

Один из больных, о которых нам радировали, был сотрудником геологической экспедиции на мысе Сердце-Камень. Он выезжал в тундру за походным имуществом и на обратном пути, мчась с сопки, не смог сдержать собак. Железным наконечником яарена (палка-тормоз) ему разворотило ногу. Геолог свалился с нарты и собачья упряжка примчалась домой без седока. Работники экспедиции с трудом отыскали полузамерзшего сотрудника в снегу... Доктор остался в Сердце-Камень на несколько дней понаблюдать за больными, а пилот и Семин вернулись домой замерзшие, окоченевшие. Чтобы согреться — решили пойти в нашу полярную баньку. Присоединились и несколько зимовщиков.

Банька — маленький, приземистый домик. Крохотная раздевалка. Коптит свечка на вмазанной в раздевалке железной бочке для натаивания воды. Ежась от „прохлады", сбрасываем „аммуницию" и скорей в „парильню". Это двухметровая комнатка. Справа в углу бочка с мелкобитым льдом вместо холодной воды. Слева печь, из которой высовывается днище железной бочки с краном: здесь горячая вода. Наполняешь шайку свежесогретой водой — и вдруг чувствуешь, что из прогнивших углов „бани" нещадно дует морозным ветерком, на полу лежит слой льда сантиметра в три толщиной! Придумали — ходим по холодному полу в галошах!

Зато моются все проворно. В маленьком домике нет очередей...

Гибель пилотов

Начиналась полярная ночь. Только на 2—3 часа в сутки наступал день, безсолнечный и серый. Властвовала пурга, свирепый леденящий ветер, холодная пронизывающая метель.

Укутавшись в тулупы с высокими воротниками выходили метеорологи навстречу вьюге. Термометры показывали от 20 до 40 градусов холода, но наблюдения велись непрерывно.

К новому году с солнцем мы надолго расстались. Казалось, что оно „сложило руки“ перед суровой зимой.

Зато в чистые, ясные ночи небо внезапно оживало, и во всей своей торжественной и холодной красоте выходило на ночную вахту северное сияние.

Нигде раньше я не читал описаний, которые давали бы полное представление о красоте этого изумительного дара природы. Широкие полупрозрачные овалы и дуги — самых нежных расцветок — в непрестанном движении заполняют небо какой-то волшебно красивой игрой, и с наступлением призрачного рассвета они исчезают столь же неуловимо, как появились. Небо снова мутно, свирепеет ветер, возобновляется пурга...

Пурга жестока. Валит с ног ветер, он забирается сквозь меха, валенки, забивает колючей ледяной кашей лицо, глаза... Горе путнику в тунд-

ре в такую погоду. Ни крики, ни выстрелы сквозь вой ветра не достигнут жилья. Человек и собаки спасаются от пурги в палатки. Но и палатку, и нарты, и собак заваливает снегом, забивает выход.

В один из таких мглистых декабрьских дней по пути с мыса Шмидта в Ванкареме снизился самолет „Н-43". Летчик Буторин, бортмеханик Богдашевский и начальник летной группы Волобуев собрались долететь в залив Кресты прямиком через Анадырский хребет.

Наш летчик Богданов, учитывая, что самолеты не имеют радио, предложил им лететь до Крестов спаренным порядком двумя машинами. Волобуев, опасаясь за мотор Богдановской машины (который надо было сменять), отказался от этого предложения. На рассвете 19 декабря буторинский самолет взял курс на юг. А Богданов улетел на мыс Шмидта сменить мотор.

В Уэлен из Ванкарема тотчас поступила радиограмма, предупреждающая о том, что если „Н-43" не сумеет по условиям видимости перевалить хребет, самолет вернется на Уэлен. Надо приготовить для него на всякий случай посадочные знаки.

На льду лагуны мы сейчас же установили сигнальные флажки, разложили треугольник нефтяных огней, подготовили горючее. Проходили часы, костры горели далеко за полночь, мы выходили, прислушиваясь к тундре, но только ветер курил поземкой, наметая к дому грядки снега и смутно мигало северное сияние...

На другой день в эфир полетели запросы по всем рациям Чукотки: „«Н-43» не прибыл ни в Кресты, ни в Уэлен, очевидна авария или вынужденная посадка, имеете ли какие-нибудь сведения, свяжитесь с местным населением, организуйте поиски..."

Но где искать? Летчик по непредвиденным условиям мог отклониться от трассы, придерживаясь сначала видимых ориентиров, а затем уже стрелки компаса.

Что случилось? Авария, катастрофа или мелкие неполадки? Живы ли люди? Где они? Найдут ли они хоть жилье кочевника, если придется оставить машину? Хватит ли им скудного 15-дневного запаса продуктов?

Возникло множество предположений, вопросов. Тревожные телеграммы, запросы шли со всего чукотского побережья и из Москвы. По побережным селениям разошлись нарты, оповещая население. В Уэлене по поискам создали особую „тройку". Ванкарем, Колючино, Сердце-Камень, бухта Лаврентия, бухта Провидения, Кресты отправляли на розыски нарты с медикаментами, продуктами, одеждой и запасным копальхеном для собак. Обозы, по три-четыре нарты в каждом, устремились в тундру с разных сторон. Готовились к полетам самолеты Глухова в Крестах, Богданова из Ванкарема, Каминского с мыса Шмидта. Собрались в путь вездеход в Крестах, аэросани из Уэлена и Сердце-Камня.

Но все планы спутывала дикая полярная погода. Дни становились все более короткими, буйствовала пурга, ухудшалась видимость для самолетов и каюров (водителей нарт). Дни тянулись, заполненные щемящей тревогой и бессильной ненавистью к потемкам и пургам. Ведь за эти коротенькие проблески дневного света нарты успевали пробежать жалкие расстояния по сравнению с огромной тундрой.

Мы попрежнему каждый день совещались о ходе поисков, гнали в тундру новые партии нарт, но ничего утешительного радио не приносило...

Иногда вспыхивала надежда, вдруг поступали сообщения о том, что то у Колючинской губы, то у реки Ванкаремки, то близ реки Амгуэмы кочевники слышали шум мотора,—можно было предположить, что самолет возвращался или блуждал при плохой видимости. Сразу давались указания о проверке этих слухов, и ничего не подтверждалось.

С наступлением лучшей погоды начались систематические поиски „Н-43" с самолетов. Глухов, Богданов, Каминский избороздили линиями своих трасс чукотское небо. Один Богданов сделал 30 полетов, налетав около 100 часов. Не меньше летал и Каминский. Самолеты обследовали Колючинскую губу, побережье у Ванкарема, долину Амгуэмы, линию Ванкарем — Кресты. Но, то ли саван снегов покрыл всю поверхность Чукотской земли, то ли „Н-43" потерпел аварию над морем, то ли он упал в горном ущелье, — нигде не находили его ни самолеты, ни нарты. Между тем, двухнедельный срок, на который был рассчитан аварийный запас продовольствия буторинской машины, истек. Участились наши полеты, еще чаще стали выезжать нарты.

Люди возвращались из тундры с обмороженными, давно небритыми лицами. Их сейчас же заменяли другие зимовщики.

Но вот уже посветлело в тундре, а поиски еще не дали ничего утешительного. Самолеты летели по-двое, с радиоустановкой. Аэросани готовились выйти с таким расчетом, чтобы по их следу сейчас же шли нарты, каюры обеспечивали поездку большим запасом копальхена...

Все было бесплодно. Когда снег уплотнился так, что его можно было только рубить да пилить, из Москвы снова поступил запрос, как продолжать поиски самолета „Н-43".

Со всех раций Чукотки отвечали предложениями. Принято было мое предложение: организовать дальнейшие поиски силами местного населения из различных районов Чукотки, объявить крупную премию в 10 000 рублей тому, кто найдет самолет.

Позднее, когда в средней России уже зазеленел лес, а на Чукотке тяжелым пластом еще лежал снег, мы узнали как все произошло. Поступила телеграмма из Крестов от горно-геологической экспедиции. Известие гласило о находке, сделанной геологом Кремчуковым:

> „3 мая самолет „Н-43“ найден в верховьях реки Амгуэмы в 5 километрах от устья ее притока Львинейгуэм. Координаты: долгота 179 гр. 02 мин., широта 66 гр. 52 мин. (в 75 км от залива Кресты). Около самолета палатка, в ней погибший Богдашевский. Оставлена записка Волобуева, ушедшего 15 января с Буториным на розыски жилья. В палатке обнаружены дневник Богдашевскаго, акт о причине и последствии аварии. Самолет и палатка оставлены нетронутыми, документ, дневник и записки геолог Кремчуков доставил в Оловянную...“

Потом добавление:

> „Судя по найденной в палатке записке, Волобуев и Буторин ушли 15 января на восток вниз по Амгуэме...“

После прочтения этих радиограмм, можно было представить себе всю картину полярной трагедии: вылетели в кратчайший зимний полярный день, донеслись до Анадырского хребта, встретили облачную мглу, попробовали подняться над хребтом, альтиметр оказался ненадежен, крылом коснулись сопки, самолет рвануло, машина потянула вниз,

и пилот спланировал на еле видимый гладкий склон горы. Экипаж пытался „подлечить“ машину, но видимо это было невозможно, решили отсиживаться, ждать помощи „берега“, где работает радио и в тот же день должны были узнать об исчезновении самолета. Задула поземка, потом запуржило. Из кабинки самолета они вытащили сложенную палатку, установили ее, борясь с порывами ветра, заправили примус.

Началось ожидание. Оно продолжалось долго. Ждали сутки, вторые, десятые. ...

Потом стали экономить, сокращать расход продовольствия. С каждым днем все больше ограничивали себя. За жалким полотном палатки свистела, била пурга, стояла жестокая темь, расстилались безлюдные „просторы“, ночь дышала ледяным ветром.

И еще протянулось несколько суток. Еда кончалась. Они решились на последнее: самим искать жилье.

Почти через месяц после аварии, Волобуев и Буторин, „запасшись“ последними обломками шоколада, затянув ослабевшими руками ремешки шапок и торбазов, вылезли из палатки и, шатаясь от слабости, двинулись по компасу к берегу моря в мутную от пурги даль.

Богдашевский остался один с полупустым примусом, крошками шоколада, последними банками консервов и записной книжкой. Дневник, который через силу вел Богдашевский, закоченел в его застывших руках. В таком виде он был найден геологом Кремчуковым. Волобуев и Буторин, обессиленные голодом, ослепленные темью и пургой, очевидно, погибли в просторах суровой земли.

Эти печальные события надолго запомнились всем нашим зимовщикам.

Охота и гидрология

Декабрь был в этом году суровым. Тридцатиградусная стужа выжимала из стен нашего дома последние капли влаги. Сухими взрывами потрескивал у берегов тяжелый морской припай.

Ширина припая к концу месяца составляла 20—25 километров. Кромки его с косы нельзя было увидеть даже в бинокль. Еще затемно, с ночи на край припая добирались на нартах чукчи-охотники. В ледяных „окошках“, где проглядывала вода, торчали наивные усатенькие морды серебристо-пятнистых нерп. У ломаной черты припая нестройно двигались льдины, еще не нашедшие пристанища.

Вот на эти-то движущиеся льдины и стремились бесстрашные охотники. Одетые в белые камлейки и меховые торбаза, они ловко и беззвучно прыгали с одной льдины на другую, остро вглядываясь, настороженно замирая по временам.

С приближением рассвета на этих льдинах неожиданно появлялись умки. Так зовут на Чукотке белых медведей. Они бродили, вглядывались, принюхивались в сторону каждого подозрительного пятна, возникающего в разводьях. Когти, зубы, да изо дня в день тренируемая ловкость — все оружие умки. Взгляд маленьких темных глаз пронзает воду, шарит по глыбам льда. Сторожко шевелятся уши. На движущихся льдинах в искусстве охоты соперничают умка и человек.

Но в руках человека — смертоносный винчестер. Пуля пронзает череп зверя, и умка валится на льдину, царапая ее когтями. Чукча в белой камлейке проворно перескакивает на льдину к убитому зверю, с необыкновенной быстротой искусно снимает шкуру, нигде не задевая острым концом ножа ее драгоценной ткани. Охотник поминутно оглядывается, чтобы не попасть в капкан ледяного моря. Обманчив и загадочен ход льдины. Течение то повернет вокруг центра, то оттолкнет от припая, или вклинит между другими льдинами... Горе тому, чья льдина уйдет от припая и на пути окажется темная пропасть воды! Жители Чукотки не умеют плавать, и даже пятиметровое разводье становится для них непреодолимым. Когда в последующее лето несколько наших комсомольцев осмелились плавать в лагуне, бросаясь в воду с берега „оптэма мемыль" („как нерпа!"), любопытству и удивлению чукчей, увидевших это, не было конца...

Но вот медведь раздет „до-гола". Охотник с той же ловкостью отмахивает ножом лучшие куски теплой медвежатины, заворачивает в шкуру и со льдины на льдину торопится выскочить с добычей на припай, где „на приколе" его ожидает упряжка собак. Три четверти мясной туши так и уплывают на льдине и будут доедены другими медведями.

С начала охоты прошло всего 3—4 часа. Уже вновь темно. Собаки спешат к берегу, среди торосов слышны лишь окрики каюра:

— Подь-подь!.. (направо).

— Кхрр-кхрр!.. (налево).

... В яранге тепло и немного душно. Но перезябшему в пути человеку одно удовольствие—сбросить кухлянку и торбаза, остаться по-домашнему в одних самодельных „трусах". А тут „чайпаур-

кеп“ (чаепитие), мерное тиканье советского будильника, мягкая оленья шкура на полу, а то и „поющая машинка“ — патефон... Охотники, напившись чаю и наугощавшись любимой снедью — белым хлебом, копальхеном, консервами или хрупким печеньем из магазина, укладываются спать на той же пухлой шкуре оленя.

Дружба наша с чукотской молодежью росла.

Зимовщики по вечерам, сменяясь с вахты, читали, заводили патефон, играли в настольный биллиард, слушали долетавшие из Москвы по радио новости, часто ходили в красную ярангу на танцы. С чукотской молодежью некоторые из нас уже немного беседовали на чукотском языке. Молодые чукчи очень привязались к нам. Некоторые из них проявляли большой интерес к технике, прекрасные способности к учебе. Мы решили обучить при станции несколько парней из национальной молодежи. Зачем ежегодно возить людей с другого полушария, расходовать столько средств, когда можно подготовлять часть кадров и здесь на месте?

Москва одобрила инициативу нашей зимовки о приеме учеников-националов, и этому примеру вскоре последовали и другие полярные станции.

С помощью райкома комсомола были отобраны четыре ученика в возрасте 15—17 лет. На „механический факультет“ приняли чукчу Миткея и наукаиского эскимоса Апахака, а на „радиофакультет“ — эскимосов Лайвока и Тутону. Сначала мы вели с ними только практические занятия. Потом убедились, что им требуется основательно пополнить общие и теоретические знания и ликвидировать малограмотность по русскому языку. Так и сделали. Русский язык, математика, физика, радиотехника, география — вот круг предметов для

учеников. Дополнительно — практика на рации и в механической. Разработали „расписание" на 600 часов, вышло по четыре урока в день. Преподавать взялись начальник станции, магнитолог, гидролог и радисты.

Наши студенты с острым интересом слушали и расспрашивали преподавателей, стали привыкать к дисциплине, точным часам, к работе по плану... Скоро втянулись в „службу". А к лету молодые чукчи — механики могли собрать, разобрать, пустить, выключить мотор, сделать мелкий ремонт, ознакомились со всем инструментарием механиков. Другие ученики — радисты, тоже усвоили основную аппаратуру, достигли приема или передачи 80—90 знаков в минуту. По стрельбе, лыжам, игре в шахматы и домино, по умению ориентироваться во всякую погоду ученики опережали своих учителей. Только в первые дни они еще немного смущались, а потом стали равноправными и полезными членами нашего коллектива.

Но Анахак не ужился. Весной в море утонула его сестра, больной матери понадобилась постоянная помощь. Анахак выехал к ней в Наукан и оттуда прислал мне записку:

„Товарищ Поликашин

Я тебе пишу письмо. Больше не буду работать, потому что мама одна не может, она очень все плакала, совсем не работает. Наверно я буду работать в яранге. Надо тебе возьми механика из Уэлена или Наукана. Брат мой поедет в бухту Лаврентия, а в яранге у нас никто не работает.

Привет Поликашину от Анахака из Наукана с. Уэлен."

Его освободили, заплатили „выходные," послали письмо, чтобы учебу не бросал и постарался приехать при первой возможности. Анахак, ставший кормильцем семьи, работал мотористом в колхозной бригаде и управлял рульмотором на морском промысле... Позднее, он не раз сожалел о разлуке со станцией, писал нам об этом.

В „цехах" остались три ученика, они и сейчас работают на полярной станции Уэлен.

...В декабре наши гидрологи много занимались наблюдениями. Заняться как следует изучением режима пролива до сих пор им почти не удавалось: то лед оторвало, то катер выбросило, то из лагуны нельзя выйти сквозь ледяную пробку... Остаться вдали от берега на льдине, оказавшись у самого горла пролива, было весьма рискованно: припай часто давал трещины, производил передвижки льда, отдельные ледяные поля далеко уносило течением.

Наш гидролог совместно с помощником Ситниковым попытался еще раз уйти на припай. 20 декабря, когда припай казался достаточно прочным, они нагрузили на нарты аппаратуру и потянули нарты по льду на себе. День был пасмурный. Ветер слабый, но при 28° мороза он крепко щипал лицо. Груз на обеих нартах был не велик, пудов по пяти, но они шли по торосам, груз приходилось частями перетаскивать за торос, потом укладывать снова и опять тянуть дальше.

С большим напряжением прошли от берега 4 километра. Торосы становились все более непроходимыми. Пробили лунку. Лед оказался толщиной меньше метра. В лунку всплывала ледяная каша, ее пришлось терпеливо отчерпывать. Долго крепили палатку. Глубина моря здесь была небольшой —

28 метров. На тросе опустили „вертушку Экмана“ (для определения скорости и направления течения), но при тридцатиградусном морозе она быстро обледеневала и отказывалась работать. Примус оказался неисправным. Отогреть не удалось.

Пришлось Ситникову бежать на полярную станцию за другим примусом. Он долго плутал в наступивших потемках, пока нашел в торосах палатку. Нагрели воды, стали работать батометром (измерять температуру воды на разных глубинах), но через пару часов и батометр испортился.

— Эх, ты ученый! — язвил Ситников. — Не проверил во-время...

Продукты, палатку, топор, лом, примус, лебедку, ведро, лопату, ящик с бутылками (для проб воды) оставили здесь, — сами потянулись домой, лечить и менять приборы.

Трудно пришлось обоим в эти дни. Ночью почти не спали, зато успели исправить приборы, переодеться в сухое и утром — обратно на лед. Операции начались сызнова .. Но к вечеру закапризничали термометры батометра, работу пришлось опять прервать. С досадой возвращались домой, ругали себя за плохую подготовку приборов. Между тем, ветер стал напористей, заскрипели торосы, в некоторых трещинах потемнел от воды снег. Зверев оступился в мокрую кашу. Рукавицы были у обоих мокры, зябли руки... Эх, длинными кажутся эти ночные пути по торосам! А тут еще тяжелые нарты...

Мутно, скупо светила луна, шуршали снежными струями расщелины торосов, колол морозный ветер...

Но сладок отдых даже в нашем прохладном доме. Усталые путешественники бросаются в кровать и крепко засыпают под теплыми полушубками. Это была предпоследняя ночь уходящего года.

На следующее утро приятная телеграмма:

„Начальникам всех полярных станций. Поздравляем личный состав станции новым годом. Не сомневаемся, что работая стахановски добьетесь больших результатов, превратите полярные станции подлинно культурные научно-производственные центры, пункты нашей радостной советской страны. На станциях к началу навигации показавших лучшую образцовую работу сверх необходимого ремонта решено: покрыть вагонкой наружные стены, потолки кают-компаний, обеспечить музыкальными инструментами, комплектом мягкой мебели, шторами, занавесками, коврами. В первом квартале организуем в Москве, Ленинграде, Архангельске собрания с вашими семьями, которым расскажем о жизни, работе станций. В целях обеспечения каждого зимовщика предметами, не входящими в номенклатуру завоза, организуем на вторую зимовку в январе прием индивидуальных заказов за счет зимовщиков на все, что имеется в продаже в магазинах Москвы. Радируйте ваши заявки. Желаем здоровья бодрости производственных успехов...“

Главное Управление Северного морского пути поздравило с новым годом. Телеграмму в новогоднюю ночь обсуждали на все лады. Семин предложил послать приветствия и вызовы на соревнование соседним полярным станциям — на мыс Шмидта, о. Врангеля и др.

Шумно было в этот вечер в кают-компании. Москвичи и ленинградцы писали телеграммы родным. Оживленно обсуждалось сообщение о преми-

ровании лучших полярных станций. Все уже представляли себе какой замечательной станет наша кают-компания после обещанного в телеграмме ремонта.

Вот бы, действительно, вагонную обшивку, мягкую мебель, шторы, ковры!.. Хорошо помечтать об этой „роскоши" на берегу Чукотского моря! Если бы еще настоящую баню — вот тогда хоть пять лет зимовать...

А пока наш „салон" был весьма неприглядеи, хотя все привыкли и уже не замечали, что стены оклеены пакетной бумагой, щели потолка затянуты газетами, деревянные скамьи скрипят, рамы некрашены...

А пока...

„Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна..."

Ну, ну это не совсем так. Так только в песне поется. Совсем не печальна „лачужка". И уже во всяком случае не тиха. Драмкружок с тишиной не дружит.

Отошел веселый новый год. Наша гидрогруппа снова отправилась в путешествие. На сей раз поехали в бухту Лаврентия. Упряжки по дюжине сильных собак подхватывают две нагруженные нарты и уходят в снежную пыль за лагуну.

Через полтора часа перекурка на фактории и мысе Дежнева — и опять дальше на юг.

Поскрипывают ременные крепления нарт. Кругом размашистая тундра с еле видными вдалеке сопками. Где-то на речушке хлебнули по глотку спирта и чая из термоса и дальше без остановок до селения Пинакуль. К полночи проехали 100 километров. Остановились в ближайшей яранге на ночевку.

С утра опять двинулись в путь. Оставались последние 20 километров.

В тихую погоду поездка на нартах приятна. Собаки несут во-всю, они не умеют ходить в упряжке шагом. 10 километров в час — обычная скорость. Только видишь, как мелькают собачьи лапы, да слышен тонкий посвист полозьев. В морозную погоду собаки нередко останавливаются, трут лапой глаза и сами соскребают с себя иней.

Гидрологи поселились на Лаврентьевской полярной станции. Там зимуют всего четверо: два метеоролога, радист и механик. Но рядом дома культбазы, живут около ста человек, и поэтому лаврентьевцы не чувствуют одиночества.

Всю поездку Ситников вел дневник. Вот некоторые отрывки его записей:

3 января. Установить мареограф футшточного наблюдения за приливами и отливами в бухте Берингова моря все еще не удалось. Часовой механизм прибора отказался работать при температуре в 28—30°. Сегодня поставили футшток простой и надежной конструкции.

Наблюдения производим при северном ветре скоростью 28 метров в секунду (больше 100 километров в час!). До футштока от дома надо итти полкилометра, а ветер пронизывает до костей. Держись, держись, это не Крым, а Арктика. Наблюдения ведем ежечасно, и продолжаться они будут 32 дня!..

7 января. Ой, как холодно, — 29—30°. Ветер 20 метров в секунду. Зверев щеку отморозил, но опасного ничего нет: парень молодой, походит с пятном недельку и только...

13 января. Погода улучшилась. Но к 6 часам утра подул ветер, снова надвинулись облака. Уходя, я разбудил старшего метеоролога — Блонского, которому пора было собираться на площадку.

Он ответил: „сейчас встану“. Вернувшись, я не заметил, что он все еще спит. Пока произвел отсчет по приборам, смотрю — батюшки, без пяти минут семь. Опять начал будить этого соню: „опоздаешь, время пройдет“. Мгновенно сбросил он одеяло, оторопело вскочил, сунул валенки на босу ногу и побежал. Сбегал-таки, успел...

20—21 января. Температура —30°. Порывы ветра доходят до 35 метров в секунду (135 километров в час). Царит темь кромешная. Пурга словно размалывает снег, продувает „насквозь“. Когда идешь, то приходится наклоняться навстречу ветру. Лицо обледеневает, примерзают ресницы. Обычную дорожку к футштоку совсем не видно. 21-го вечером я едва нашел обратный путь, угодил в ледяную трещину, даже не помню как выбрался. При падении сломал фонарь. Долго не мог разобраться в поломке закоченевшими пальцами. Но, не унывать! Наука требует спокойствия и выдержки.

3 февраля. В ожидании срока наблюдений ночью я занялся подсчетами. Расстояние от дома до футштока —650 метров, туда и обратно 1300 метров. За смену ходим туда 12 раз, это 15 600 метров. А за 32 ночи, которые я отдежурил, выходит почти 500 километров. Вот так путешествие!

И это в полярную ночь, морозную пургу. Этакий туризм прекрасно тренирует и кажется... воспитывает характер...“

Ситников день за днем описывал свои наблюдения, протекавшие в трудной, часто физически тяжелой природной обстановке и видно было, как „арктические тяготы“ все больше воспитывали терпение, упорство, настойчивость в молодом рабочем-исследователе, неутомимо выполнявшем свое ответственное и сложное задание.

Ледяной лагерь

В начале марта наша полярная станция получила из Главного Управления Северного морского пути внепрограммное задание. Вдали от берега надо было произвести пятнадцатисуточные наблюдения над режимом моря у входа в Берингов пролив. Задание было сложным. Потребовалось быстро провести всю техническую и материальную подготовку, выждать более благоприятной погоды и хорошей видимости. Нужны были нарты, чтобы перебросить людей с грузами на лед примерно за 12—15 километров. Четверку зимовщиков, направленных туда, обеспечили всем необходимым для пребывания на льду. Им дали палатку с суконным пологом, спальные кукули, обитые сверху полотном, меховые рубашки и штаны, двойные меховые рукавицы, олепьи кухлянки, торбаза и „чижи"— меховые чулки, брезент, оленьи шкуры — постели, текущий и аварийный запасы продовольствия, примус, керосин, свечи, бутылки для проб воды с разных глубин, гидроаппаратуру...

Через несколько дней, когда пурга стихла, цепочка нарт пустилась в путь по торосам. Уехали Зверев, механик Картин, парторг Семин и рабочий Цибин. Путь по исковерканному льду оказался очень тяжелым.

Вернувшиеся вечером чукчи-каюры привезли „келекель" — записку от гидрогруппы и рассказали, что зимовщики уже долбят „тинь-тинь" — лед. Вот эта записка.

„С большими трудностями удалось забраться за 15 километров. Впереди сплошные торосы, через которые не только на собаках, но и пешком человек пробраться не может.

Как только Ритель (каюр станции) соберется нас наведать, просим исполнить такие просьбы:

1) забросить нам две дюжины фотопластинок;

2) привезти с первой оказией кислородный агрегат, он стоит в лаборатории гидрологов под столом, упакован в брезентовые штаны;

3) большая просьба к механику Алексею Семеновичу — у яранги лежит ящик для бутылок. Надо привести его в порядок и и сделать гнезда по форме бутылок от уксусной эссенции. Пусть Гриша (рабочий) в свободное время перельет эссенцию в большие бутылки из-под портвейна, а маленькие вымоет и вставит в гнезда. К 23-му числу ящик надо доставить к нам в лагерь...

Привет *Н. Зверев*".

Заранее было условлено, что в лагерь мы наведаемся через четыре дня.

Но уже на следующие сутки стало тревожно. В час ночи у берега, несмотря на безветрие, образовалась почти двухметровая черная извилистая трещина. Впотьмах ее заметил, едва не угодивший в воду, вахтенный, вышедший произвести по футштокам отсчеты уровня моря.

С утра восточный и юго-восточный ветер стал заметно крепнуть, на льду появились новые трещины. Чукчи, которые утром отправились к разводьям на охоту, вернулись, предвидя новые передвижки льда. Из лагеря никаких сведений не поступало. Гидрогруппа могла в этот день не видеть поблизости воды и поэтому не знать об опасности дрейфа. Каюр Рипель, посланный в лагерь, вернулся с половины пути — трещины непроходимы, лед оторван!.. „Тревожно" — сказал он.

Стали совещаться с опытнейшими охотниками Уэлена. Живую связь в лагерь, по их мнению, сейчас выслать нельзя. Послали на сопку и на крышу дома разведку с биноклями, но черной пирамидки лагерной палатки не обнаружили.

С Инчоунской сопки (25 километров к северо-западу от нас) тоже ничего не нашли. Это хуже. Ведь если бы в лагере видели опасность, то они могли бы дать дымовой сигнал.

К ночи ветер усилился. Мы все еще оставались в полном неведении. Выяснили только, что лагерь от берега отрезан двумя широкими разводьями. Дальше в море третье, такое же разводье. Значит, ледяное поле, на котором находится гидрогруппа, очутилось в окружении воды!

Обследование берега обнаружило, что трещины умножаются. Охотник Этуги уверял, что разглядел палатку в бинокль, но доступ к ней невозможен, так как начался медленный дрейф.

Послали запрос в Москву. Поступило распоряжение вылететь летчикам Каминскому и Богданову из Анадыря в Уэлен. Объявили крупную премию чукчам — тому, кто сумеет добраться в лагерь. Хотели связаться с эскимосами Наукана. Но это не удалось: там в горах задувала пурга. В Уэлене

тоже погода стояла нелетная... На береговых сопках наблюдательные посты зажигали на ночь костры. Это были маяки для наших унесенных товарищей — на случай, если ветер повернет, льды прижмет, и люди сумеют пробраться к берегу... Нацсоветы, колхозные охотничьи бригады — все участвовали в спасении гидрогруппы. ГУСМП ежедневно получало наши донесения.

В кают-компании к обеду явилась лишь половина зимовщиков, остальные были в разгоне — ездили по соседним селениям, посещали наблюдательные посты.

Радость, еще неуверенная, блеснула через день к вечеру. Четыре охотника, несмотря на переменные направления ветра с поземкой, пешком по торосам и даже ползком по тонкому льду разводий наконец-то достигли лагеря. Они благополучно вернулись домой и принесли с собой письмо от Семина:

„Пришли к нам четыре охотника и рассказали, что нас разыскивают. Спасибо за заботу. Писать много не могу. Посланцы очень торопятся, так как льды дрейфуют и есть разводья. Работу прекращать мы даже не думаем. Уверены, что все обойдется благополучно. Настроение и самочувствие бодрое.

Привет всем, крепко жмем руки.

А. Семин".

Таким же спокойствием отличалась записка гидролога:

„Просим вас не беспокоиться. Мы пока в полной безопасности. Работу будем продолжать до 30 марта. Если будет возможность, пожа-

луйста пришлите ящик и дюжину фотопластинок.

Нас только беспокоит то, что керосин на исходе. Может не на чем будет согреть чай и высушить обувь.

Настроение хорошее. Все здоровы. От всех — товарищеское спасибо друзьям."

Н. Зверев".

Как хорошо, что у товарищей хватило мужества и спокойствия!

Дружба с чукчами, отзывчивым и бесстрашным народом, помогла нам узнать об этом. Горячее сочувствие вело этих смелых, закаленных жителей Арктики ползком по зыбкому молодому льду, над пучиной. Впереди шагал быстрый и ловкий, всегда веселый моторист колхоза, чукча-комсомолец Танат.

Все же беспокойство не покидало нас. Что еще может проделать полярная погода с лагерем?

Семин, ведь он едва окреп после аварии с аэросанями. Его и механика Картина решили сменить и предупредили их об этом. При первом затишье к ним выехала смена.

Вот и „лагерь": палатка тесно уставлена оборудованием. Видно, что экономили керосин, внутри палатка обледенела. В стороне грозным пятном маячит большая полынья. До берега не менее 15 километров, но и отсюда неплохо видно нашу станцию. Вот на Уэлен сделал посадку самолет. Кажется, что дом так близко! Чистейший полярный воздух чуть ли не впятеро сокращает расстояние для глаза. Увы, самообман. В первые дни нашей жизни на косе мы наивно думали, что до прекрасно видимой Инчоунской сопки всего-навсего 5—6 километров. А на деле оказалось

двадцать! Одним словом, здесь весьма справедлива поговорка: „Глазам видно, а ногам обидно...“

27 марта снова наведался в лагерь парторг Семин. „Как бы там ребята не закисли“,—сказал он. „Сбегаю, проведаю“... И сбегал, терпеливо пройдя 15 километров через торосы.

С двумя проводниками-чукчами он влетел в палатку раскрасневшийся и потный. Весело поздоровался, усадил рядом с собой чукчей. Стали пить чай. Семин рассказал, что на станции все благополучно, прилетели самолеты Богданова и Каминского... Посоветовал лагерникам спешить к берегу, как только льды начнут „бродяжничать“...

— Ну, а как вы эти три дня? Пятки не чешутся?..

— Да нет, все в порядке. Дежурили по двое. Восемь часов на пару. Потом другая пара восемь часов, так и крутим. А вот Гоша (Цибин) нервничает...

— Гоша?!

— Он в полынье уже четырех нерп убил, а вытащить не мог ни одной!.. Подумай какая досада!

Все засмеялись... Но чукчи заторопили:

— Акальнэ Тагам, тинь-тинь этки (скоро пойдем, лед плохой)!..

Ломаной линией, зигзагами вправо и влево зашагали к берегу...

В последующие дни дрейф усилился. Ледяное поле с палаткой унесло от берега еще на десять километров. Трещины то увеличивались, то сжимались.

Рисковать дальше стало опасным. Задание ГУСМП по существу было выполнено. Решили возвращаться.

Переправляться пришлось уже пешим порядком. Менее ценное имущество лагерники бросили, облили остатками нефти, зажгли. Поднялся высокий столб черного дыма, который увидели с косы. Сигнал был прочитан.

— Покидаем лагерь! ..

Тяжелые нарты тянули, проваливаясь в снег, около четырех километров. Все время старались удерживать их от ударов в торосы. Но нарты все же ломались. Их пришлось бросить. К шести часам вечера прошли километров 20. До берега оставалось, примерно, пять километров. Торосов стало меньше; но трещины приходилось часто обходить, даже переползать по тонкому льду. Лагерники очень устали. Жуков в одной из трещин вымочил ноги, Ситников захромал, Зверев раздраженно ворчал на отстающих... Хотелось лечь, отдохнуть, но сумели пересилить себя, тронулись дальше.

Стало темнеть. Опять казался таким близким горбатый силуэт берега. Последнюю часть пути чуть ли не на четвереньках ползли. К 6 часам утра свалились в ближайшей яранге Ипчоуна.

Не было сил даже стянуть с себя сырые торбаза. Хотелось пить и спать. Добрые, заботливые чукчи и здесь выручили: раздели и накормили жителей ледяного лагеря, подбросили им оленьи шкуры для постелей и четверка дружно заснула сладким и затяжным сном, только на миг радостно подумав:

— Задание-то все-таки, выполнено! ..

Самолет над льдами

В один из ослепительно-солнечных апрельских дней в Уэлен примчались на нартах двое науканских эскимосов. Они рванули полузамерзшую дверь дома, шумно вбежали в мою комнату и почти в один голос заговорили:

— Начальник, надо помогать! Наукан пятнадцать охотников ветер на льду унес в море! Этки... камак скоро (плохо... смерть скоро). Надо помогать!..

Оказывается, пятнадцать охотников-эскимосов у входа в Берингов пролив промышляли нерпу. Одеты они были очень легко...

Внезапно погода изменилась, поднялся крепкий зюйд. Эскимосы быстро прекратили охоту, тронулись обратно, но было уже поздно.

Ветром и попутным течением припай оторвало от берега и раскололо сразу в нескольких местах. Охотники оказались отрезанными от берега. Они остались на разных льдинах группами, по нескольку человек.

Лед скоро потянуло в широкое горло пролива, туда, к синим просторам Чукотского моря.

— Люди мало одеты, каукау уйна (хлеба нет)! — повторяли нам эскимосы. — Надо помогать! Вутку самолеты варкыт (здесь есть самолеты), — спешили подсказать нам они.

Надо было предпринять что-либо до наступления сумерек.

— Самолеты мачна (самолеты можно)! — отвечаю я и советую эскимосам спешить обратно в Наукан с наказом: приготовить посылки — узлы с одеждой, которые можно будет сбросить охотникам с самолетов.

Эскимосы немедленно умчались обратно.

На заснеженный лед лагуны, где стояли самолеты Каминского и Богданова, сейчас же, отложив обед, пришли все зимовщики, чтобы помочь летчикам в их сборах. С разведкой надо было спешить. До потемок осталось часа три. Летчики оглядывают небо. Мрачно. Облачность не выше 150 метров. Морозный ветер дует со скоростью 12—15 метров в секунду.

Наконец, заревел мотор самолета Богданова. Тронулись лыжи, плавно закачались плоскости машины, она оторвалась от льда, спиралью облетела маленький поселок и ушла в туман, нависший над Чукотским морем.

Через полтора часа самолет вернулся. Из машины вышел озабоченный пилот. Он осмотрел большой район льдов и ничего не нашел.

В Главное управление Северного морского пути со станции полетела „молния" с рассказом о том, что случилось на зимовке.

Из Москвы к нам, на отдаленнейший уголок советской земли, скоро принесся ответ:

„Санкционирую все мероприятия которые будут необходимы тчк Радируйте ежедневно".

Ночь была беспокойной. Мы собирали связки сухарей, чая, сахара, папирос, спичек, спальные меховые мешки, палатки, бидоны с керосином и примусы. Приготовили также кирки, железные лопаты и записки на русском и эскимосском язы-

ках с указанием, как нужно разравнивать поверхность льдин (где находятся охотники) на случай посадки на лед самолета.

На следующее утро летчики встали рано. Погода была нелетной, но там, на гонимых в море льдинах, в бессильной тревоге ждали помощи эскимосы. Откладывать полет было нельзя.

Вылетели сразу обе машины. В небе бесконечными рваными холстами полз туман. Машины шли низко. На воздушных ухабах их резко бросало вниз, едва не ударяя о торосы.

Берег быстро скрылся из глаз. Внизу расстилались нескончаемые разорванные льды. С напряженным вниманием всматривались летчики в ледяные поля, отыскивая затерявшихся людей... В таком напряжении прошел час ожидания.

Но вот машины вернулись к нашей лагуне.

— Мотора не выключать! — сказал один из пилотов.

Летчиков обступили зимовщики, уэленцы, подоспевшие из Наукана эскимосы, школьники...

— Нет, не нашли!

Люди не расходятся.

Короткое совещание летчиков с зимовщиками.

Вылетает машина Каминского. Кроме бортмеханика Островенко, в нее садится Семин. И снова над морем...

На этот раз возвращение радостное. Три группы охотников найдены — тринадцать человек! Двое еще не обнаружены. Но льдины оказались торосистые, и посадка на них невозможна. Удалось лишь сбросить с самолета узлы с теплой одеждой, обувью, посылки с продуктами.

Ночью станция гудела, как встревоженный улей. Собирали и увязывали новые „посылки“. Всем

приходящим эскимосам и чукчам рассказывали о результатах поисков. Они охотно тащили готовые узлы далеко на лед лагуны к самолетам.

28 апреля, наконец, отыскали и остальных двух охотников. Они были на небольшой льдине. Им сбросили кукули — спальные меховые мешки.

От Наукана льдины с людьми унесло больше чем на сто километров.

Теперь „дорожка" к этим льдинам была „протоптана", контуры их хорошо запомнились.

На следующий день самолеты вновь вышли к льдинам уже прямым курсом. Каминский взялся сбросить горючее, кирки, палатку одной группе. Богданов „обслуживал" другие две группы.

Беседуя с эскимосами, мы поняли, что они не были уверены в том, всех ли охотников нашли летчики. Очевидно, эскимосы не вполне доверяли нашим сообщениям о полетах...

Тогда решили посадить на самолет хоть одного эскимоса. Пусть он знает, как трудны эти поиски, какую работу выполняют летчики.

Пятидесятилетнему, очень моложавому предколхоза Аёнк предложение понравилось.

— Лети, Аёпк?

— Мачна (можно)! — крикнул он, улыбаясь.

Машины описали круг над Уэленом и ушли. Туман сгустился.

Почти два часа мы ждали, не отрывая глаз от биноклей.

Наконец, самолеты опять на льду лагуны.

Эскимосы окружили их, волнуясь:

— Ну что? Как?

Пилот и бортмеханики смеются. Льдины с охотниками первый разглядел Аёик. В низенькой кабине самолета он порывисто вскочил, выбил голо-

вой верхнее стекло кабины и закричал землякам, находящимся на льдине.

— Тумгутум!.. Самолеты варкыт!.. (товарищи, самолеты есть).

Внизу его, конечно, не слышали. Но зато Аёик вернулся с полной верой в чудесную советскую авиацию. И он уже не забудет никогда, как кружили самолеты над льдами, как сбрасывали эскимосам узлы с продовольствием, примусами, палатками, теплой одеждой...

Летчик Каминский остроумно приспособил к этим узлам ситцевые платки в виде парашютов. Иначе, например, бидоны с керосином могли бы разбиться.

Рассказ Аёика был встречен радостными криками.

Полет обеих машин в тот же день был повторен...

Теперь эскимосы и чукчи поверили, заулыбались. Их товарищи могут жить на льдах несколько дней, у них есть все необходимое. Не сегодня — завтра ветер повернет с севера, и льды прибьет к берегу.

Течением и ветром еще сутки гнало льды с охотниками на северо-запад. Потом ветер стих, вскоре возник норд и медленно стал прижимать лед к скалистому берегу Чукотки против селения Чевтун. Эскимосы — опытные ходоки по льду. Спасенные быстро добрались по льдинам к берегу. Отсюда на нартах примчались в Уэлен, куда доставили бо́льшую часть имущества, сброшенного им самолетами.

Это были последние дни апреля. От яркого предмайского полярного солнца вчерашние пленники ледяного моря прикрывали лицо рукавицами. У всех заболели глаза. Пришлось наделить их специальными очками.

В европейских синих и желтых очках вернулись они в родной Наукан встречать Первомайский праздник и рассказывать своим родным и соседям о советских самолетах, которые так быстро пришли им на помощь...

Перед отъездом они по-своему просто, с присущим этим людям мужеством, рассказывали о пережитом. Некоторые из них в первые часы дрейфа попали в воду и согревались на льду только быстрыми движениями. Охотник Тагекай потерял в воде шапку и рукавицы. Двое суток все они оставались в легких меховых рубашках с полотняными камлейками.

— Мокрые на льду, — сказал охотник Ыкына, — мы совсем ослабели. Я собирался всю одежду отдать другому, а хотел с собой что-нибудь сделать, чтобы так не жить...

— Когда мы, — добавил Нунигнилян, — увидели с моря сопки Уэлена, мы вспомнили, что на берегу есть самолеты... И на другой день они уже показались над нами. Мы запрыгали, как дети, сбросили с себя камлейки, замахали руками, шапками, ведь боялись, что вдруг нас сверху не заметят.

На льдине очень мучила жажда. Но морскую воду пить немыслимо. Вскоре эскимосы нашли выход. Они набивали снегом кожаную рукавичку и клали ее подмышку на голое тело. Так каждый, дрожа от холода, натапвал себе по нескольку глотков воды. Выпьет — и опять кладет снег в рукавичку... А тут вдруг такая радость: самолеты привезли примуса и керосин, и консервы — целый магазин сбросили на льдины!..

Дня 3—4 спустя мы с пилотом Каминским приехали в селение Наукан и провели там собрание. Сколько народу пришло в школу, где был

назначен сбор! Классная комната была битком набита одетыми в меха людьми. Утоик, один из эскимосов-участников бедствия на льду, рассказывал о той помощи, которую оказали охотникам самолеты. Эскимосы аплодировали ему, радостно кивали головами пилоту Каминскому. Потом один из них рассказал, что когда людей унесло, то шаманы велели селению обратиться за помощью к американцам. Шаманы говорили, что зимовщики не помогут.

— Товарищи! — с негодованием сказал чукча-комсомолец, — теперь вы видите, как лгут шаманы. Москва сразу по радио велела самолетам вылететь на помощь. Много денег стоят вещи, которые сбрасывали на лед охотникам. Но с нас не спросили за это ни копейки. Советская власть — родная власть!

С собрания не расходились до поздней ночи, заставляя „пострадавших“ выступать по нескольку раз...

На оторванных льдах у Аляски, — вспоминали науканцы, — каждый год гибнут десятки эскимосов. В Америке о них никто не беспокоится, даже в газете не напишут. Только в Советском Союзе правительство не щадит никаких средств, чтобы организовать спасение. А ведь Аляска напротив нас, всего в 80 километрах. Два берега друг против друга. Но наш берег — советский, счастливый берег! Да здравствует товарищ Сталин!..

Поездка к соседям

В марте я с доктором Фавстом и старшим метеорологом Шиповым выехал в командировку на „север" — так именуется у нас направление по берегу моря к мысу Сердце-Камень и дальше на северо-запад.

Этот путь вошел в историю, как дорога героев челюскинцев: в апреле 1934 года экипаж „Челюскина", спасенный летчиками, совершил труднейший пеший переход с мыса Ванкарем в Уэлен. Много дней шли мужественные челюскинцы по этой дороге, пробиваясь сквозь снега, ветры и туманы. На всем берегу от Ванкарема до Уэлена не было тогда ни одной полярной станции, ни одной базы. Челюскинцы останавливались на отдых в ярангах чукчей.

С тех пор прошло не так много времени, а северное побережье Чукотки уже выглядит совсем по-иному: в устье Колючинской губы и на мысе Сердце-Камень устроены полярные станции. Там работают метеорологи. Радисты регулярно поддерживают связь с соседними зимовками. Кроме того, на мысе Сердце-Камень сейчас работают геологоразведочная партия и астрономо-физическая экспедиция да в Колючинской губе партия ограждения. Людно становится на Чукотке!

И вот мы едем к своим соседям. Старший метеоролог Шипов собирается помочь в работе своим менее опытным коллегам. Доктора на мысе Сердце-Камень ждут пациенты. У меня тоже есть кое-какие дела: надо захватить в Колючинской губе несколько запасных деталей для двигателя. У нас этих частей нет, а у них нашлись лишние. Кроме того, я давно уже собирался повидаться с товарищами, поделиться опытом, узнать об их житье-бытье, рассказать о своем. В Арктике особенно ценишь каждую встречу с новым человеком. После долгих сборов мы тронулись в путь. Было безветренно и, казалось, „по-весеннему" тепло, хотя термометр показывал —25°.

На снегу рядом со мчащейся упряжкой неуловимая игра светлоголубых оттенков — быстрое мельканье тонких теней от сорока собачьих лап.

Звенят под полозом сухие корочки снега, словно радуясь легкому скольжению нарт. Собаки, кудлатые и остроухие, бегут, наклоняясь вперед и свернув хвост в пушистое кольцо. Старику-каюру нечего делать. На коленях у него остол (палка-тормоз, называемый по-чукотски „яарен"). Каюр медленно закуривает, зная, что собаки полны сил и не нуждаются в понукании.

Около часу мы скользим по ровному, как стол, льду лагуны. Кругом, насколько видит глаз, необозримое снежное поле, далеко на горизонте синеют сопки.

Вдруг из какой-то ямки шумно вздымается воронье. Собаки внезапно бросаются в сторону, видно учуяли копальхен (мясо моржа). Теперь время пустить в ход остол, возвращая собак на дорогу. В разрытой лунке снега мы успеваем заметить расклеванный кусок мяса.

Потом видим на косе целую тушу моржа — грузную, неуклюжую, окаменевшую от морозов. Морж, видимо, был выброшен прибоем. Чукча, оттащивший первым тушу за черту прибоя, становится по чукотскому обычаю ее собственником. Копальхен теперь принадлежит ему.

Ледяная морская кора вся в торосах. Они застыли в причудливых формах. Как будто кто-то таинственный разбросал обломки скал и прикрыл их снежной скатертью. И оттого, что нет конца белизне, этим неровным зубцам торосов и неиссякаемому блеску солнца, движение наших нарт кажется странно медленным. Но по тени от них видно, как быстро бегут собаки. За час, оказывается, мы прошли 11 километров вдоль лагуны...

Воздух будто хрустальный. В небе ни единого туманного волокна. Уходит вдаль длинная цепь береговых обрывов, конусовидных сопок, остробоких мысов. Самый дальний видимый мысок кажется голубым клинком, врезавшимся в море. Это мыс Сердце-Камень. До него от нас около 100 километров. Вот какой исключительной прозрачности достигла видимость!

К полудню блеск снега становится нестерпимым. Надеваем цветные очки. Теперь, сквозь желтые стекла очков, все кажется облитым заревом далекого пожара, тени становятся более резкими, небо принимает зеленовато-синий тон.

Извилистая нить дорожки ведет нас по длинному подъему на перевал Инчоунской сопки. Оттуда с перевала Уэлен виден как на ладони. 20-километровое расстояние до него сокращается для глаза вчетверо.

Въезжаем в небольшое чукотское селение — Инчоун. Здесь передышка...

Позади 30 километров. До Сердце-Камня, первого пункта поездки, еще далеко, и мы решаем „дотянуть“, пока светло, в следующее селение — Миткулино. Останавливаемся в первой же, крайней яранге. Спрашивать „можно ли зайти“ здесь не требуется. Нас встречают тепло и гостеприимно.

В яранге чисто, воздух довольно свеж, неожиданно замечаем часы, зеркало, рукомойник. А на „полу“ чукотский чисто выскобленный „рипальхен“ — шкура моржа. Тут же сушится всякая промысловая снасть. Над головой на веревке — охотничьи штаны.

Усталые после 40-километровой прогулки, мы ложимся на оленьи шкуры. Осторожно гасит хозяйка ровное пламя жирников.

На утро продолжаем путь. Едем по льду. Нарты ныряют во впадины между торосами, снова вылетают, ударяясь об углы торосов и издавая тягучий треск, но не ломаются. Теперь я наглядно убеждаюсь, почему нарты конструируются без единого гвоздя — все крепления в них ременные, способные гнуться и слегка растягиваться...

На раскатах кое-где сваливаемся с нарт, кувыркаемся по снегу. Доктор падает с удивительной ловкостью, ухитряясь даже не ронять очков. Тренировка у него богатая!.. Ведь на Чукотке он зимует третий год и совершил по ней десятки дальних поездок.

Проехали Чевтун. Одна из собак вдруг захромала. Каюр осматривает ее лапы, находит ранку, достает из-за пазухи крошечный меховой мешочек — собачий „ботинок“—торбаз и ловко подвязывает его к лапе. Собака бежит, уже почти не прихрамывая...

Кончики шерсти у собак после долгого бега опушились инеем от частого дыхания. На каждой

остановке все они бросаются в снег, перекатываются, быстро глотают снег и укладываются отдыхать. А лишь стукнет каюр остолом по передку парт — собаки вскакивают за вожаком и снова бегут.

Дорожка теперь вьется у самого берега, сюда оттеснили ее малопроходимые торосы. Какие отвесы скал, какая суровость пейзажа! Я видел скалы на Печоре, в Средней Азии, на Алтае, над реками Восточной Сибири, на Кавказе... Но все они непохожи на эти строгие, дикие обрывы. То словно срезанные ножом, то будто разгромленные снарядом изломы чукотских скал играют различными оттенками: ржавыми, синими, свинцовыми, йодистыми, радужными... Зубчатой стеной стоят обрывы высотой больше ста метров.

— Как яранги в Москве, — говорю Олему, сравнивая высоту берега с многоэтажными московскими домами.

— Ка-ак-ку-ме-е! — удивляется каюр высоте московских домов и долго-долго меряет скалы глазами, словно видя их в первый раз или стараясь представить себе подобное им здание.

Далеко вдаются в море скалы. Некоторые из них похожи на львов, положивших голову на лапы у застывшего моря. Мы долго объезжаем выступы. Сплошной неприступной крепостью тянутся стометровые обрывы.

Засветло мы в Сишане. Заходим в дальнюю ярангу. Живет в ней предвацсовета Камо. В определенные часы здесь же учитель Апос занимается с сишанскими школьниками. В школе учатся 20 ребят. Рядом с ярангой подвешена звонкая металлическая доска — это гонг, вызывающий детей на урок.

У входа в ярангу стопкой сложены низкие столики. К началу занятий их вносят в полог.

В яранге уютно и чисто. В пологе стоят тарелки, чайная посуда, висит зеркало, полотенце. На тумбочке — зубной порошок, будильник, на стенах картинки. Как и в Миткулинской яранге, жена хозяина ходит с голой грудью. Камо неплохо понимает по-русски, интересуется новостями. Он просит доктора принять сипанских больных и благодарит, узнав, что доктор на обратном пути хочет сам обойти все яранги береговых поселков...

Наши походные термоса Камо понравились. Он рассказывает, что тоже собирается купить такую флягу и, кроме того, хороший бинокль и патефон.

— Скоро в Уэлене, — говорим мы, — фактория выдаст ударникам-охотникам патефоны, бинокли, ружья, часы.

— Это я слышал, — отвечает по-чукотски Камо.

Хотя до Сердце-Камня оставалось каких-нибудь 25 километров, решили остаться. Уехал только доктор, спешивший к своим пациентам.

Ночью началась пурга. Олем, вернувшийся с ночевки в яранге своего знакомого, сказал:

— Этки е (плохая погода, плохой ветер)! Я не могу дальше ехать.

Действительно, похлестывал колючий снег, видимость сократилась до 15—20 метров...

К вечеру на следующий день пурга стихла. Камо позвал к нам одного из сипанских каюров — Ихмыргина.

Выехали по ровному подъему на перевал. На горбине отрога того же Анадырского хребта странные каменные башенки.

— Что это? Как будто нарочно построены?..

— Так и есть, — отзывается Шипов. — Это гурии, которые прежде ставились на память и как ориентиры путешественниками...

Собаки устали и все чаще начали переходить на мелкую рысь. Каюр останавливает нарты, опрокидывает их на бок, из-за пазухи вынимает бутылку с водой и поливает подошвы полозьев.

Полозья сейчас же покрываются зеркальной корочкой льда. Теперь собакам легче. Они везут быстрей, как и в начале пути...

Чу! какой-то звонкий стук. На снегу черное пятно. Под скалой залаяла чья-то собака, затем мы увидели палатку, прилипшую к подножию скалы как лишай. Бросается в глаза красный флажок.

— Испидиция!.. — шепчет Ихмыргин.

Из трубы занесенной палатки курятся струйки дыма. Навстречу идут люди. Это отряд геологопоисковой экспедиции Всесоюзного Арктического института. Живут здесь в палатке — инженер, двое рабочих и трое чукчей-помощников.

Знакомимся, пьем чай. Инженер показывает нам штоленку, вдолбленную в подошву скалы. В каждом куске породы искрятся свинцовые, серебристые, дымчатые, ржавые блески.

— Тут все признаки полиметаллического месторождения — цинк, свинец, мышьяк, медь, олово, есть серебро и „киткит" (немного) золота, — рассказывает нам инженер. — Но... определить процент содержания этих руд можно только в городских лабораториях.

— Мы тут собираем образцы, — говорит геолог. — Вот если бы здесь завод — то руду можно брать и грузить из штолен...

— Если бы!.. Если б Чукотка стала промышленно-металлической, как изменилась бы в корне вся ее примитивная экономика, весь ее быт! — мечтает инженер вместе с нами.

Прощаемся с изыскателями и, вскочив на нарты, продолжаем путь.

Под горой вдали маячат мачты полярной станции Сердце-Камень. Собаки мчат с бешеной скоростью, будто боясь, что их настигнет нарта со скользкими полозьями. Встречный ветер от такого бега словно удваивается. Из-под остола (тормоза) бьет снежный фонтан. Мороз, кажется, жестче — и на станцию мы вваливаемся замерзшие, раскрасневшиеся от снега.

Домик полярной станции Сердце-Камень очень маленький: тамбур с чуланом, кухонька с плитой, спальня, рубка рации, угол, где стоит двигатель Л-6. Наверху чердак, он же кладовая. В стороне — стандартные домики геологической экспедиции, сделанные из... фанеры. Строительный материал этот, конечно, был бы уместнее где-нибудь возле Батуми, а не за Северным полярным кругом. И как ни стараются геологи натопить свои печи, — климат в этих домиках довольно-таки прохладный. Зимовщики встретили меня и Шипова очень радушно. Опередивший нас неутомимый доктор уже успел сделать все, что от него требовалось, и хотел ехать с нами дальше, чтобы проверить состояние здоровья жителей Колючинской губы. Но зимовщики и слышать об этом не хотели. Они оставили нас ночевать, и мы провели вечер за дружеской беседой.

На мысе Сердце-Камень зимовали трое: метеоролог-комсомолец Еремин, он же старший по зимовке, комсомолец-радист Плотников, молодой механик Гаврюшин. Зимовали в Арктике они впервые

Не все свыклись с некоторым однообразием полярной жизни, не все увлеклись сразу работой. Поэтому возникали неизбежные конфликты, раздражительность, ссоры.

К счастью, трое молодых зимовщиков были не одни. В этом же маленьком домике жили бывалый механик астрономо-геодезической экспедиции и степенная учительница. Временами здесь останавливались и другие участники экспедиций. Все это разряжало обстановку, вносило необходимое разнообразие и оживление в жизнь зимовщиков. Вот и на этот раз молодежь выложила перед нами все свои маленькие недоразумения и споры.

Мы долго беседовали, вспоминая всевозможные полярные истории, случаи из жизни, события, происходившие во время больших арктических экспедиций. В конце концов, молодые зимовщики поняли, насколько незначительны их горести и обиды, и мир в домике полярной станции был восстановлен.

Переночевав в фанерном домике геологоразведочной партии, мы двинулись дальше к Колючинской губе. Глубоко вдающийся в берег залив напоминал устье большой реки, хотя никакой реки тут не было. Вдалеке виднелась голубая полоска острова Колючина, пользующегося самой дурной славой у полярников. С ним у многих исследователей Арктики связаны неприятные воспоминания. Недалеко отсюда был вынужден зимовать когда-то знаменитый исследователь Норденшельд со своим судном „Вега“. В Колючинской губе погиб самолет „Советский Север“. Здесь в 1932 году потерял винт „Сибиряков“. Здесь же в сентябре 1934 года был затерт льдами „Челюскин“. В этом же месте потерпел аварию самолет, на котором летел поляр-

ник Ушаков к лагерю Шмидта, а несколько раньше сделал вынужденную посадку Ляпидевский.

Но советские полярники взялись за освоение и этого негостеприимного угла Арктики. В Колючинской губе уже работают экспедиции, которые изучают нелюдимый и суровый залив, чтобы поставить его на службу советскому мореплаванию.

После нескольких часов пути по однообразной заснеженной дороге, мы выехали на перевал. Перед нами расстилалась необъятная ледяная и снежная пустыня. За грядой береговых дюн лежала широчайшая низменность с замерзшими озерами и лагунами. Вдалеке синел горный хребет со срезанной вершиной, напоминавшей гигантский стол.

Посредине этой угрюмой пустыни синела маленькая кучка домиков, прижавшихся к берегу оледенелого залива. И здесь мы встретили необыкновенно-гостеприимный прием. Коллектив, работавший на берегу Колючинской губы, оказался требовательной к себе и весьма дружной семьей.

Работники партии ограждения всегда выручали в трудную минуту зимовщиков. Зимовщики помогали работникам партии ограждения. Они сами сделали для себя всю мебель. Так как в домиках было очень тесно, — сами оборудовали двух-этажные койки. По очереди готовили обеды, стараясь угостить друг друга получше.

Один лишь метеоролог Князьков не ужился с зимовщиками. Как всегда, дело началось с пустяков. Князьков как-то вытер руки посудным полотенцем. Ему сделали замечание. Он обиделся. Потом один из зимовщиков подметал пол. Князьков начал бросать на пол спички. Тот собрал спички и шутки ради сунул их под подушку Князькову. Новая обида. Князьков перестал выходить к обще-

му столу, а ночью шарил по кастрюлям в поисках еды. Потом у Князькова появилось халатное отношение к служебным обязанностям, он начал опаздывать на наблюдения.

Дело дошло до того, что многие потребовали удаления Князькова с зимовки, как недобросовестного работника.

Мы потолковали с Князьковым, поговорили с парторгом зимовки и решили, что дело еще можно поправить. Необходимо было лишь более чутко подойти к человеку, переменить обстановку и помочь ему приспособиться к трудным условиям арктической зимовки.

Так мы потом и сделали. Князьков впоследствии был переведен к нам, на полярную станцию Уэлен. Он начал с большой энергией работать в новом коллективе, прекрасно закончил зимовку и по возвращении в Москву рьяно взялся за учебу.

...Когда старший метеоролог и доктор закончили свою работу, мы распрощались с зимовщиками Колючинской губы и выехали домой в Уэлен.

Полярная весна

По краешкам крыши висят крошечные сосульки. Земля попрежнему в снегу, но яркие солнечные лучи в дневные часы заполняют весь дом.

Май на Чукотке, даже в самые свои лучшие дни, похож на подмосковный март.

Пятого мая мы все были встревожены. В районе Ванкарема исчез летчик Богданов с бортмехаником Румянцевым. Они вылетели в Уэлен, должны были сделать посадку в Ванкареме и... пропали. Начались поиски... Седьмое, восьмое, девятое, десятое мая — экипаж все не найден...

Только днем 11-го вдруг прибежал из рубки было радист: „Богданов и Румянцев нашлись сами". Оказывается, они на трассе Шмидт—Ванкарем попали в пургу, потеряли ориентировку и не могли выпутаться из облачности. Горючее подошло к концу, на земле, в крутящейся поземке, ничего нельзя было разглядеть. Богданов произвел посадку на-ура. Самолет остался целым, но без бензина. Всего лишь в десяти метрах от машины высились торосы горла Колючинской губы, о которые самолет не ударился лишь по счастливой случайности.

Через неделю, когда из Колючино к машине было подвезено горючее, Богданов и Румянцев сумели вернуться в Уэлен и подробно рассказывали нам о своих приключениях. Богданов летел очень легко одетым. В машине на двоих был один

отсыревший кукуль. Грелись „по-очереди“. Влезет в кукуль Богданов, Румянцев спрашивает:

— Ну как, тепло?

— Ничего, галстук греет...

Хлеба у них с собой не было. Несколько банок консервов с трудом растянули до 10 мая. Решили итти к берегу, прошли 30 километров. Ночевали на снегу. Утром заметили проезжавшего на оленях чукчу. Но объяснить, что им требуется, никак не могли. Богданов все же отыскал в своем блок-ноте отдельные записи чукотских слов. Договорились.

В Колючино добрались совместно с этим чукчей. У Румянцева заболели и заслезились глаза. Он почти не видел. Богданов тоже ослабел. Два дня оба сидели в темной комнате яранги, чтобы восстановить зрение. Затем снарядили нарты с горючим, отыскали свой самолет...

В эти дни действительно у многих болели глаза. Уэлен был похож на колонию полуслепых: все ходили в цветных очках.

...Наступило начало нового охотничьего сезона. На этот раз обстановка охоты иная, чем осенью. Утки тянут с юга на север. Лететь над морем они теперь не желают — Берингов пролив забит льдом. И утки прямиком пересекают тундровый мыс, несясь огромными стаями на высоте двух метров от снега. Большинство этих стай пересекают мыс поблизости нашей лагуны. Каждое утро из Уэлена вдоль косы тянется цепочка охотничьих нарт. Стосковавшиеся охотники с вечера азартно готовят свое снаряжение — патронташи, сумки, наполняют карманы готовыми патронами.

Над белым льдом лагуны летят серые, низкие, похожие на многоточия стаи уток. Охотники выбирают себе на косе по вкусу позицию, прячут

упряжки за горбами косы, ложатся на снег лицом к лагуне. Рядом ружье и сумка патронов.

Вот одна из стай летит над лагуной. Охотники, укрываясь за снегом косы, бегут ей на перерез и, когда стая шумно проносится над головой, нестройно гремит хор выстрелов. Более десяти птиц падает наземь. Они барахтаются или тяжело бегут по снегу, пытаясь спастись.

С рассвета до позднего времени слышна стрельба над лагуной. Нарты, тяжело нагруженные утками, поблескивающими своим весенним оперением, возвращаются в селение. На ружье приходится от 5 до 20 птиц. К вечеру прокопченные порохом дробовики спешно чистятся, а с утра снова в работу. Так продолжается недели три. В этот месяц во всех домах чудесная свежая дичь, и даже чукотские жадные псы сыты по горло.

А весна все больше дает себя знать. Не больше двух часов продолжается бледная ночь. На бугорках земли появились первые несмелые проталинки. Летают пестрые прилетные птицы.

Группа зимовщиков уже готовит катер к навигации: откопали его из снега, ремонтируют, красят, перебирают мотор...

...Весь коллектив горячо обсуждает полученную радиограмму о начинающемся процессе бывшего начальника острова Врангеля — бандита Семенчука. Убийство из-за склоки активнейшего полярника — врача Вульфсона взволновало нас всех. Собрание единодушно решило — требовать расстрела Семенчука.

На мысе Дежнева весной начали восстанавливать метеодомик. Для работы туда выехали метеоролог и радист. Данные с этого метеопункта будут иметь серьезное практическое значение для обслу-

живания судов. Это дело организовано по нашей инициативе, одобренной в Москве...

Новыми заботами наполнены дни. Кажется, что нет ни одного пустого и скучного часа. Теперь немного смешно вспоминать — какое наивное представление о работе в Арктике имелось у нас накануне отъезда. Зимовка представлялась нам каким-то дежурством на берегу моря или на острове, где царят льды, кругом белые медведи, безлюдная полярная ночь, страшные морозы и, как нам казалось, пропасть свободного тоскливого времени, которое нечем занять.

Какие наивные мысли! На полярной службе нет строго ограниченных рабочих часов. Но ведь кроме работы по графику, приходится заботиться о самых различных бытовых делах — отоплении, воде (из льда и снега), свете, о спасении общего имущества в случае стихийных бедствий и т. п.

На всех зимовках работают различные кружки, школы самообразования, ведется большая общественная работа с местным населением.

Дни заполнены множеством нужных дел. Автору этой книжки, пришлось вести занятия партийного и комсомольского политкружков, руководить литературным кружком, кружком русского языка, преподавать ученикам-националам, на районных курсах инструкторов по ликвидации неграмотности и т. д. В советские годы на Чукотке широко развернулась культурная работа. Выросла сеть школ, ликбезов, красных яранг, пионерских отрядов, библиотек с книжками на местных языках. До революции чукчи и эскимосы были сплошь неграмотными. В школах района в 1918 году обучалось 60 учеников, в 1925 году—105, в1930 году—162, а в 1935 году — 455. Школ в районе было всего 3, а сейчас—20,

учителей было 3, а в 1935 году — 47, из них 20 из местных жителей. Расходы на просвещение с 34000 увеличились до 472 000 рублей. С каждым годом цифры эти растут.

Велико влияние школьников и пионеров на семьи. Дети невольно, через школу усиливают культурность быта яранг.

Об этом зимовщики не должны забывать. Поэтому и скучать не приходится.

Полярная весна приходит в начале июня. Густеет небесная синева. Чукотская весна имеет свой неповторимый рисунок: длинноволокнистые глубоких тонов облака, изумительная прозрачность далей, веселая игра бликов на тающих торосах.

В эти теплые ласковые дни даже весенняя стенгазета полярной станции не может обойтись без стихов, в которых вспоминается далекая родина.

И ночи короткие стали,
И пурги уже отмели.
Ах, сколько теперь проталин
На лоне Большой Земли!
На реках шумит половодье,
По селам кричат грачи,
Над хвоями ветер бродит,
Бормочут в оврагах ручьи.
Моря засверкали валами,
И тронулись в путь корабли...
Единое солнце над нами —
Сынами свободной земли.
Ну, как не подумать о рощах!
И каждый из нас так рад
Припомнить знакомую площадь,
Весенний чудесный парад...

Весной и физкультурники зимовки оживились. Достали майки, трусы, у наиболее запасливых нашлись даже спортивные тапочки, хотя на зыбу-

чей гальке не очень-то попрыгаешь в такой обуви. Захотели устроить турник, волейбольную площадку. Но на станции не было даже бревен для столбов турника, а вокруг — ни одной дерновой площадки. Физкультурников это не смутило:

— В Уэлене ведь стоит наша старая мачта, ее все равно надо убрать!..

Мачты старой рации разломали и из частей сложили настоящий турник возле полярной станции.

Рядом с турником разровняли широкий квадрат гальки, засыпали его мусором и мелким шлаком, утоптали. Натянули на дополнительных столбах сетку — и мечта физкультурников о волейбольной площадке осуществилась...

С этого вечера физкультурная площадка не пустовала ни часу. Спортом увлекалась и чукотская молодежь. Чукчи и зимовщики азартно сражались в волейбол. Люди как бы вознаграждали себя за медленную, излишне спокойную жизнь во время полярной ночи.

Море уже освободилось от льдов почти начисто. У косы остался узенький остаток припая. Талая вода, накопившаяся на льду лагуны, сделала его „ноздреватым", словно проржавленным. Переход на ту сторону стал опасным.

Уже в первой половине июня охотники мечтательно заговорили о гусях, и каюр Рипель посоветовал съездить с ружьями на тундровые озера.

Чуть затуманенная испарениями, лежала за лагуной тундра. Поблескивали жилки речек. Мы долго бродили в тяжелых болотных сапогах по зыбучей тундре, поднимая с речек и озер свадебные стайки уток. Вдали у воды удавалось разглядеть иногда пары гусей. Но все попытки осторожно обходить

их оставались безрезультатными. Гуси улетали при первом подозрительном движении людей.

По холмикам тундры вдруг панически улепетывал от нас случайный песец.

Трофеи охоты были небогаты — несколько уток да раненый... кроншнеп (земляк). Его мы осторожно доставили через лагуну домой, пытались кормить, фотографировали, принесли кусок тундрового дерна. Но кроншнеп тосковал, и к вечеру мы дали ему свободу. Унесли птицу далеко по косе, выпустили — и она быстро-быстро убежала по гальке к зазеленевшим травяным островкам.

Числа десятого июня ночь пропала. Солнце дежурило круглые сутки. В самую полночь на косе можно было читать книгу без всяких фонариков или свечей. Солнце в полдень вздымалось почти над головой. К полночи оно уходило за горизонт лишь на 40—50 минут, но все время казалось, что оно как бы скользит, „катится" по горизонту и даже оставляет на земле бледные тени. Каким необычным для нас являлось в эти полуночные часы солнце! То оно принимало форму восьмерки, то гриба, то длинного овала или сверкающего снопа... Эти изменения формы происходили непрестанно...

Отражаясь в насыщенных испарениями слоях атмосферы, солнце изменяло свой облик в зависимости от густоты и прозрачности надземных испарений.

Почти на месяц потемки ушли из нашего обихода. Солнце светило так неотлучно, как будто его „выселили" с противоположного полушария земли...

Краски „ночного" неба удивительны. В полночь проплывает у горизонта синий клок облака и края его обведены изумительно ровной огнисто-золотой линией, солнечным кружевом...

В эти часы без привычки трудно заснуть. Свет давит. К „ночи“ затягивали мы окна суконным одеялом, но искусственно созданный мрак не усыпляет. Если в одеяле была хоть одна дырка, то лучи полярного солнца пробивались в нее так ярко, что казалось, будто за окном не ночь, а полдень...

В такие „полуночные“ часы хорошо работалось. Наши специалисты без ламп производили отсчеты с микроскопических делений своих приборов-самописцев, занимались черчением, вели записи, читали, играли в настольный биллиард. Население станции в такие ночи сплошь нарушало обычный жизненный „распорядок“: вставали недружно, путали утренние часы с вечерними. И только в пасмурные дни переход ото дня к ночи становился более заметен.

В последнюю шестидневку июня нас запросила „Правда“ — „как живет зимовка, что у вас слышно?“ В ответ радировали:

„25-го рассчитывали произвести очередной аврал. Хотели привести в порядок территорию вокруг станции, убрать тару, остатки угля, накопившийся за зиму мусор. Но холодный сильный ветер заставил эту работу отложить.

Зимовщики несут обычные научные вахты. Прилив окружил полурастаявшими льдами наш катер „Борей“. Лед мог бы испортить его нарядную внешность (ведь катер мы только недавно отлично отремонтировали, окрасили, сделали новую рубку, отрегулировали мотор); пришлось, лавируя между льдинами, вывести „Борей“ на якорь... Погода мешала работе аэролога. Небо было закрыто сплошной пеленой облаков, нависшей чуть ли не в 100 метрах от земли. Ветер и облака не мешают одному магнитологу. Он сидит в своем „абсолютном павильоне“,

куда запрещен вход даже с маленьким кусочком железа (тончайшие приборы изолированы от всех внешних влияний). 25-го магнитолог производил свои отсчеты теодолитом Оглоблинского. Сделана очередная поверка самопишущих приборов. Они регистрируют магнитное напряжение и отклонение стрелки компаса по нашей географической точке. Метеорологи ведут наблюдения за динамикой развития тумана. Через каждые полчаса ведется регистрация туманности...

Ночь у нас „отменена". Стоит сплошной полярный день.

Привет „Правде" от всех зимовщиков".

Эти непогожие дни были для нас очень скучными. Поневоле работы на зимовке сократились. Даже маленький богдановский „У-2" пришлось спрятать за гребнем косы от рвущего ветра. Крылья самолета привязали к многопудовым камням.

27-го скорость ветра упала ниже 10 метров в секунду. После завтрака мы начали работать. Перекатили полтораста пустых бочек из-под горючего ближе к причальной линии, сложили их в штабель. Надо было подготовить тару к сдаче на пароход.

Лед в лагуне поредел. Группа зимовщиков произвела пробный поход на катере. Но, боясь посадить катер на мель, товарищи вернулись. Привезли с собой несколько убитых уток.

На следующий день туман разогнало, вышло солнце. На сопках еще лежали большие пятна снега, в море гуляли льды, но термометры отмечали +5°, а галька на поверхности косы нагревалась до 29° тепла (хотя в земле на глубине одного метра — вечная мерзлота!).

Гидролог с пилотом Богдановым вылетели на три часа в ледовую разведку. Пролив оказался

свободным от льда. Залетели в „Лаврентий“. Встречать самолет собралось все население культбазы и поселка. Угощали роскошно — зеленым луком, свежей кетовой икрой.

Вечерами мы готовили (для поселка) годовую отчетность.

Наши „рыбаки“ оживились, повеселели. Около берега начался первый лов. Группа зимовщиков смастерила сеть и тянула из лагуны полуметровых гольцов. Жизнь на зимовке закипела. Аэролог запустил шар-пилот на высоту 8500 метров (рекорд зимовки — 17 600 метров). Старший метеоролог, любитель природы, вышел в тундру собирать образцы для гербария, наблюдать за жизнью животных. Пришел с трофеями — коллекция пополнилась двадцатью тремя образцами. Жены зимовщиков ушли на сопку. Они вернулись с букетами низкорослых, но пахучих ярких полярных цветов. В доме стало уютно, цветы на столах, на подоконниках. А в кухне заманчиво потянуло запахом жареной дичи. В радиорубке в эти дни деятельно работал гидролог.

Он слал Москве и Владивостоку ледовые сводки.

Наконец-то мы сумели вывезти из лагуны с осени застрявшую там тушу пятидесятипудового моржа. Он еще осенью был подстрелен гидрологом и, к великому огорчению всей зимовки, исчез тогда под тонким льдом.

Много работы у магнитолога. Он повседневно несет свою службу. Дело в том, что стрелка компаса в нашем районе отклоняется от географического полюса почти на 16 градусов, причем медлительно, но постоянно колеблется. Изучая закономерность этих колебаний по неделям, месяцам, магнитология обеспечивает судам и самолетам вели-

кого Северного морского пути точные магнитные карты...

С приходом теплых дней станция наша приобрела более уютный, веселый вид. Во дворе мы утрамбовали шлаком дорожки, окаймили их камнем, устроили из кусков цветущего дерна клумбу, оборудовали самодельный душ. Все это очень понравилось нашим гостям — чукчам и эскимосам.

„Заместитель чукотского бога"

Лед на косе стаял окончательно в начале июля. Ближний источник пресной воды иссяк. Опять, как и в прошлом году, начали возить воду в байдаре бочками от подножия сопки.

По пути за водой иногда ставили и вытаскивали нашу рыболовную сеть.

Охотники не досыпали, худели, реже брились, но продолжали осыпать косу дробью до тех пор, пока охота была еще добычлива.

Двое рыбаков, да пятеро охотников — вот и весь наш промысловый актив. Досуги других зимовщиков — только гулянье на сопку за цветами, фотолюбительство, танцы в красной яранге и иногда катанье по лагуне. Времени свободного было не так уж много. Большинство вечеров занимали собрания, кружки, встречи и проводы самолетов.

В эти дни на зимовке было событие очень любопытное и неожиданное. В больницу к доктору Фавсту прикатил шаман Таюге. Он был ненавистником всяких культурных мероприятий в своем селении. Когда чукчанка Рахтунга собралась рожать в больнице, Таюге ее „стращал" всякими ужасами. Но Рахтунга не послушалась и на удивление старухам заявилась в больничную палату. Она благополучно и легко родила, узнала, как нужно беречь ребенка дома, убедилась в вели-

кой силе больницы и стала дома уговаривать чукчанок не рожать больше в ярангах без помощи доктора.

Шаман Таюге, угрожавший Рахтунге всякими карами, вскоре сам заболел, да так, что уже ждал смерти с часу на час. Почти одновременно заболела и его дочь. И вскоре шаман с дочерью прикатили тайком в больницу. Вылечился не только шаман, но и его дочь, которую он сам считал уже безнадежной. Доктор Фавст ликовал!

Ведь этот случай стал крушением былой славы Таюге. Чукчи узнали о его тайном визите к Фавсту и больше не слушали коварного шамана.

Чукотская больница была построена и открыта лишь при советской власти. Трудно ей было сначала завоевывать доверие вопреки вековому влиянию шаманов.

Ждать, когда чукчи и эскимосы сами начнут ходить „к доктору в белом", было нельзя. Нужна была терпеливая разъездная работа, выезды в яранги, личный пример в отношении санитарии и гигиены.

За последние три года популярность больницы особенно возросла.

Чукча Авай (с. Эйненнекум) пришел с просьбой отрезать ему руку. Оказалось, что это вовсе было не нужно. Он вернулся из больницы выздоровевшим.

В селении Нупямо охотника, вывихнувшего плечевую кость, промучили в яранге всю ночь. Чукчи пытались сами вправить ему кость. Вмешалась чукчанка, раньше лечившаяся в больнице. Тогда охотника отправили к докторам, и он скоро вернулся вполне здоровым.

Чукчанке Роптыне (впервые на Чукотке) Фавст организовал обезболевание родов...

Аппендицит, грыжи, геморрой, вывихи, переломы, раны — все это раньше казалось чукчам гибельным.

Чистота, внимательный уход, целая выставка „таинственных“ лекарств, бесплатность лечения, а главное — почти всегда положительный результат, создали перелом в настроениях чукчей и эскимосов в пользу советской больницы. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что сестрами в больнице работали свои же чукчанки. Они могли дать робкому больному нужное объяснение, рассказать о предыдущих результатах правильного лечения, о больших расходах больницы на лечебное дело, о том как здесь работают доктора...

В больницу потянулись новички, не видавшие докторского халата, сначала для „пробы“, потом стали приходить во второй и третий раз. Итоговые цифры посещаемости больницы стали расти из года в год.

В 1933—1934 годах стационарных больных было обслужено 158 человек, за 1935—1936 годы—312, за 1936—1937 — 424. Вырос и амбулаторный прием: в 1933—1934 годах — 2192 человека, за 1935—1936 годы — 3975, за 1936—1937 — 6066 человек. Больше 80% чукчей стали пользоваться медицинской помощью.

Наша Чукотская больница имела весьма культурный вид. Снаружи и внутри масляная краска. Стекла окон и шкафов безукоризненно прозрачны. Операционная словно скопирована с любой городской больницы. Своя ванная, прачечная. Под крышей этой больницы забывалось, что находишься возле полярного круга.

Такая обстановка и ласковое обращение медицинского персонала, умеющего объясняться на

местном языке, подкупало. Известны случаи, когда в больницу приезжали из тундры за сотню километров даже легко больные. Приемных „часов" или „предварительной записи" тут, конечно, не соблюдали.

В прихожей приезжего встречала служительница-чукчанка вся в белом, приглашала зайти, вытереть ноги, снять кухлянку, надеть белый халат, пройти в врачебный кабинет. Перед тем как положить больного в стационар, его вели в ванную, где он медлительно полоскался с головы до пят, может быть впервые в жизни, и поминутно удивлялся, откуда здесь столько „гыль-мыль" (горячей воды)...

Наш Фавст был очень упорен. За три года он исколесил почти всю Чукотку, вылечил сотни людей и слыл в районе среди стариков... чуть ли не заместителем чукотского бога.

С наступлением теплых дней команда катера с гидрологом направилась опять в Берингов пролив. Поработать успели несколько часов, начавшийся шторм заставил уйти к мысу Дежнева. Когда море стихло, выехали снова, чтоб закончить план разведки. Вскоре заштормило, и на крохотной палубе катера едва можно было держаться.

Работу пришлось прервать.

Двинулись обратно. Катер, как щепку, мотало по горбинам морских валов. Навалился туман. Прошло два, три, четыре часа. Берегов не видно. Наконец, вот, но... какой-то незнакомый. Оказалось, заехали на остров Большой Диомид.

— Вот те на!..—расхохотался молодой исследователь Гоша.— Ну и ка-пи-тан, заблудился,— кивнул он в сторону Зверева.

— Да ну тебя! Это компасы путают.

Через два-три часа причалили к своей косе.

15 июля, когда льдов у нашей косы почти не оставалось, на траверзе станции, дымя, остановились два парохода. Это были „сквозняки“ „Искра“ и „Ванцетти“, которые должны были пройти ледяными морями с востока на запад — из Владивостока в Ленинград.

„Ванцетти“ остановился в полутора милях от станции, чтобы принять на борт нашего аэролога-синоптика Латвина. Главное управление Северного морского пути перебрасывало его в бухту Тикси.

Мы на вельботах проводили Латвина до борта „Ванцетти“. Поднялись по трапу на палубу парохода, взяли несколько номеров „свежих“ газет, получили в подарок московские папиросы, наспех рассказали, как зимуем, — и опять на вельбот, домой.

Строим... „железную дорогу"

...20 июля летчик Богданов собрался улететь на мыс Шмидта. Маленький самолет „У-2" был наготове уже несколько дней назад. Мы приготовили для него ровную площадку тотчас за радиомачтами.

Богданов недавно женился. Молодую жену он решил перевезти по воздуху с собой на мыс Шмидта. Значит, надо лететь троим: летчик, бортмеханик, жена. Нагрузка нормальная, но площадка для взлета неважная — то мелкая галька, то коврики дерна...

Несколько раз пытался Богданов оторвать самолет от земли, — и все впустую. Потребовалось снять с машины одного из людей. Кого же оставлять? Бортмеханика или молодую жену? Летчик принял „соломоново" решение: лететь с женой до Сердце-Камень, оттуда вернуться за бортмехаником. Так он и сделал. Но вернуться ему не позволила погода, и бортмеханик гостил у нас до парохода... Над ним то и дело подшучивали.

— Ты, Банин, — смеялись зимовщики, — у нас от безделья тяжеловат стал, поэтому и пришлось слезать... За тобой теперь посылать придется тяжелый бомбовоз... Давай, помоги железную дорогу строить. Действительно, группа зимовщиков деятельно занималась... „железнодорожным строитель-

ством". На территории Лаврентьевской культбазы собрали мы брошенные и уже вросшие в землю рельсы узкоколейки, которые несколько лет назад соединяли культбазу с каменным карьером. „Ископаемые" рельсы и вагонетки на вельботах доставили в Уэлен:

— Семьдесят метров „дачной колеи" обеспечено!!!

Толстые шпангоуты и стенки вышедшего из строя кунгаса были разделены на метровые куски для шпал. Полотно железной дороги к вечеру было готово. „Дачная линия" соединила наш дом с „пляжем". Это, конечно, была не только шутливая затея.

Расчет оказался правильным. Ведь скоро пароходы будут доставлять зимовке новые сотни тонн грузов. Перетаскивать эти грузы вручную, на плечах, ходить с ними по зыбучей гальке — несладкое дело. А теперь на вагонетку наваливай хоть полторы тонны — и двое зимовщиков легко покатят ее на подъем косы. Затея блестяще оправдала себя на авралах. „Дачная колея" обслужила все „осенне-зимние перевозки", а кроме того, доставила великое удовольствие чукчам, которые частенько ухитрялись прокатиться на вагонетке до самого берега.

А как мы мечтали потом устроить такую же узколейку от станции через селение Уэлен к источнику пресной воды! Ведь тогда бы кончилась работа по доставке питьевой воды... Нужно было всего-навсего полтора километра легких рельс. Но нашей „технической мечте" суждено было утонуть где-то в канцеляриях: на заявку нам не ответили, а на Чукотке рельсы найти негде.

„Железнодорожное строительство первой очереди" мы закончили в один день. Случайное про-

шествие вызвало внезапный перерыв в работе. Постукивая по гвоздям-костылям, мы вдруг заметили плывущего вдоль берега молодого моржа. Кинулись в дом за оружием. Морж плыл быстро. Мы настигли его только в 200 метрах от станции у того места, где на берегу сушилась сеть и стояла чукотская байдарка с маленьким веслом.

Первой же пулей помощника гидролога Цыбина моржонок был убит, и его, распластавшегося на воде (жирный зверь долго не тонет), окруженного широким пятном крови, уносило все дальше от косы. Дул сильный южный ветер (19 метров в секунду). Моржа надо было спешно вытащить, пока его ветром не утянуло от берега. Мы столкнули байдару на воду. Цыбин отплыл на ней, держась за конец шеста, которым чукчи отталкивают сеть от берега. Я держал другой конец шеста, упираясь в гальку. Но длины шеста нехватало. До моржа еще оставалось метра полтора-два. Ветер вздул пузырем Гошину рубашку, он снял с себя поясной ремень, чтобы привязать его к концу шеста и дотянуться до моржа, и вдруг неосторожным движением уронил конец шеста. Ветер погнал в море легкую байдару. Цыбин, забыв о морже, судорожно заработал единственным веслом.

Какое мучительное чувство беспомощности! Кинуться в воду в такой ветер было бы безумием.

— Вельбот надо, вельбот! — крикнул на берегу каюр Рипель и, вскидывая пятки, быстро помчался в селение. Чукчи уже заметили беду. Возле колхозного склада засуетились люди и, уже через пять минут, на вельботе ровно застучал мотор. Байдару унесло за километр от берега. Легкая посудинка бурно ныряла по волнам. В море устремилась бригада охотников. Издали еле видно, как

мелькает над гребешками волн байдара, все еще пытаясь затормозить. Вельбот, наконец, приблизился. Но стоп! мотор заглох, остановился и сам вельбот стал жертвой разыгравшегося моря. Бригада ухватилась за весла, но сколько ни трудилась — ветер пересиливал и рулевого, и восемь пар весел...

Теперь спасать надо было уже десять человек. Но на выручку выплыл другой моторный вельбот с усиленной бригадой... Ура! Вот это помощь!

Мотор первого вельбота вскоре заработал и два вельбота почти рядом направились к Гошиной лодке. Длинный канат, ловко выброшенный как лассо, достиг мечущуюся на волнах байдару, Гоша не менее ловко схватил буксир.

Конечно, о морже все давно забыли. Гоша так устал и измучился, что и не вспомнил об охотничьих замыслах...

Утиная охота давно кончилась, а консервы нашим зимовщикам начали надоедать. За обеденным столом все чаще поговаривали о свежей свинине.

— Вот бы, чушку одну заколоть. Сейчас бы отбивную!..

Предложение заинтересовало всех.

Тот же Гоша вызвался быть свинорезом. Но это было опасно. Свиньи наши (три тучных двенадцатипудовых) очень выросли, возиться с ними опасно. Решили борова... застрелить, тем более, что на смену подрастали из полдюжины пудовых поросят еще два заместителя.

Приятен запах опаляемой чушки на полярной косе! В деревнях, как известно, для этой операции жгут солому. Но для нас солома (собранная из тары) была импортной редкостью — на матрацы нехватало. Своего борова „Ваську" мы опалили „технически" — при помощи паяльной лампы.

В этом торжественном деле приняли участие профорг, комсорг, механик...

На пароходе „Свердловск“ к нам прибыло пополнение: гидролог Баровский, аэролог Пятин и метеоролог Галов с женой и дочкой. Вновь прибывших свежая свинина удивила. Жизнь на косе им сразу показалась „дачной“, к тому же стояла теплая погода и море, с которым мы только на днях воевали, лежало перед косой, кроткое и ласковое...

С парохода высадилась к нам даже труппа столичных артистов — певцы, музыканты, танцоры. Вот это были приятные гости. После обеда мы пригласили артистов на „сцену“. В углу кают-компании сцена была отделена занавесом. Пришли в гости и чукчи. Они не сводили глаз с занавеса, будто ожидая чуда. Да и для нас появление артистов было „чудом“, от которого мы так отвыкли. И когда запела скрипка, зазвенели струны и грянул баян — словно сама Москва улыбнулась нам сквозь эту музыку.

Оркестр исполнил „Музыкальный момент“ Шуберта, „Марш из веселых ребят“ и несколько песен. Музыка подняла настроение.

„И тот кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!..“

Опять пахнуло жизнью „Большой Земли“.

Участились тревожные радиограммы о героической обороне испанского народа. Участники собрания, тесно обступив докладчика, решили:

— Отчислить в помощь испанским рабочим трехдневный заработок...

В середине августа, в пасмурный и ветреный день на шаткие волны нашей лагуны опустился изящный краснокрылый самолет Леваневского. Летя

через Берингов пролив из Нома, он пробил густые облака и, не взирая на жестокий встречный ветер, достиг советского берега. Из-за громадных волн на лагуне самолету пришлось спуститься у дальнего берега, и мы долго не могли уехать в вельботе, чтобы встретить дорогих гостей.

Леваневский и Левченко приветливо открыли дверцу машины.

Это была моя первая и последняя встреча с Леваневским. Лицо его мне показалось очень задумчивым, даже грустным. Вероятно он устал.

Поздравили его с прилетом, спросили, как они пробились к нам в такую непогоду.

— О, ничего, — отозвался Леваневский, — пришлось только большой полукруг описать, обойти густую облачность. И добавил, любовно касаясь приборов:

— Славная машина. Вы посмотрите, какие удобства, буквально все обслуживание самолета механизировано.

— Вас, товарищ Леваневский, наши ждут на берегу. Надо пообедать и отдохнуть...

— Только не сейчас. Я не уйду пока не стихнет ветер. Здесь в машине мы и ночуем.

Гости прибыли на берег только к вечеру. Их сразу окружили школьники. Они притащили с сопки огромный букет цветов. Чукчи приветливо здоровались с летчиками, гордясь старым знакомством...

Этот день, 16 августа, был годовщиной нашего пребывания на зимовке. Ровно год назад мы высадились на Уэленскую косу. Теперь нам знакомо здесь чуть ли не каждое облако...

Через два дня, в день советской авиации, к нам прилетел другой герой страны — Василий Сергеевич Молоков.

В этот день мы дружным авралом разгрузили шхуну „Чукотка“, доставившую нам из бухты Лаврентия тяжелые части ветродвигателя. Их мы достали со дна бухты, в которой они были утоплены при разгрузке в прошлом году. Вечером мы жадно читали газеты, доставленные Василием Сергеевичем.

Сентябрь начинался крепким ветром. Штормовые валы за одну ночь перекатили на берегу целые горы гальки. Ближайшие к морю три пары рельс нашей „дачной колеи“ завалило галькой и согнуло почти в кольцо. Потом шторм утих.

5 сентября к косе подошел пароход „Микоян“ с углем. Аврал был тяжелый, сходни, переброшенные с кормы кунгасов на берег, волна сильно качала. Тащишь груз по этим сходням и чувствуешь себя как муха на маятнике. Один из кунгасов с углем захлестнуло волной, выбросило на берег, забросало галькой. Едва успели схватить из него одну тонну мокрого угля. Мокрые и усталые, вместе с чукчами и эскимосами работали до-темна...

Утром приехали гости: прилетел начальник Владивостокского политотдела (для обмена партдокументов), потом пришел самолет с китобойца „Алеут“, в тумане не мог найти свое судно. Работа по выгрузке пошла урывками, растянулась на неделю. Зимовщики ходили усталые, сонные. Надо было вести наблюдения, продолжать сборку железной башни ветродвигателя, обеспечить доставку воды и т. д. Четверо прибывших к нам плотников начали строить баню, печник ремонтировал печь...

Проводы алеутского самолетика „Ш-2“ прошли с приключением. Эту маленькую, на двух человек, летающую лодку-амфибию, пожалуй могут унести двое сильных людей. Вид ее не внушает особого

доверия. Она слишком мала и имеет какой-то „фанерный“ облик. Как-то не верилось, что она летела в поисках китов сотни километров.

„Ш-2“ приготовился к вылету в бухту Провидения, куда на днях должен был подойти и „Алеут“. Наш доктор Фавст не пропускал, кажется, ни одного самолета, чтобы не прокатиться из Уэлена на остров Лаврентия или обратно. И на сей раз он поспел договориться с летчиком. Не взирая на легкомысленный вид лодки, он третьим пассажиром сел в кабинку. Игрушечный пропеллер загудел, амфибия вышла на середину лагуны, летчик дал полный газ и повернул к косе навстречу ветру. Набирая скорость, самолет с ревом устремился вперед. Но то ли он был перегружен, то ли скорости не хватало — дно лодки, едва оторвалось от воды, вдруг опять скребнуло по береговой гальке — и амфибия остановилась. Она оказалась беспомощной...

Мы побежали к ней в испуге, думая, что товарищи разбились. Но уже издали было видно, что летчик и механик выбрались из кабинки и осматривают свой „корабль“. Доктор, уцепившись руками за борт, под сильным впечатлением от „несвоевременной посадки“ сидел тихо. Дно амфибии выдержало удар о зыбучую гальку, как утюг. Все остались целы.

— Ну... с благополучным возвращением!.. засмеялся кто-то из зимовщиков.

Повернули опять самолетик, посадили на воду, снова заревел мотор и „Ш-2“ оторвалась от воды и унеслась к югу... Ну, теперь доктор, вероятно, успокоился, закурил папироску.

У нас на рейде в эти дни стояли под разгрузкой три парохода („Урицкий“, „Микоян“, „Товарищ

Красин"). Возле станции не умолкал стук топоров и молотков: группа плотников вела сборку бани и дополнительного жилого домика. Груды бревен, досок, запах свежей стружки, чистые квадраты банной крыши радовали нас.

Наконец-то мы, достраиваемся... На зимовку остались с нами два плотника, значит нам обеспечен основательный ремонт дома, складов и радиостанции. Это прекрасно.

Печник Каргополов — красноносый старичок с клокастой „прической", весь в глине, заканчивал со своим помощником украинцем Ревенко трубу бани. В печь уже была вмазана 50-ведерная железная бочка с краном, пристроена плита, вставлены рамы, в бане прибили вешалки. Строители торопились кончить, чтобы успеть выехать с пароходом во Владивосток. Вот вложен последний верхний кирпич. „Каргополыч" с достоинством спускается вниз, нагребает сухих щепок, зажигает. Настала торжественная проба банной печи. Вдруг... Что такое? Как же так? Труба не принимает дыма, он густо валит обратно в дверцу печки и вот уже вся банька полна дыму. „Каргополыч" сердито мечется, волнуется... Еще бы, он строил тысячу печей, такого конфуза не было... Ревенко растерянно топочет вокруг печи, ворчит:

— Так що ж вона не тягнет?!.

За окном смеются плотники...

Старик вылетает из бани, свирепо взбирается по лесенке на крышу и гневно выбрасывает из трубы... мокрые мешки. Это ему удружили плотники, которые внизу покатывались со смеху.

Успокоившись, он рассказывает: „Не первый раз такие шутки. Сразу догадался. Меня и не так подводили. Раз до того озлился, чуть в драку не

полез. Как же: у меня дым вниз течет, как вода, а парень соседский ржет... Я туда-сюда, снизу в дымоход гляжу — нет ничего. Спог сбился... А потом полез, стало быть, на крышу, гляжу — а труба-то прикрыта листом стекла..."

...20 сентября к косе подогнало льды. Это был „редкобитый лед", который быстро „сочинил" у косы свежий непрочный припай. Синяя полоса моря сразу отдалилась на две сотни метров. Почувствовалось похолодание. Это дышали льды, первые представители новой зимы 1936—1937 года.

Лето кончилось.

Однако пароходы еще бороздили воды пролива, ухитряясь то тут, то там сбрасывать на берег грузы Уэлена, Дежнева, Лаврентия, Сердце-Камень...

Зимовка продолжается

Итак, мы „перезимовали". Без цинги, о которой так много судачили, без страхов, навеваемых некоторыми экзотическими очерками, без жертв на зимовке, некогда считавшимися „неизбежными" в условиях Арктики.

Полярный лед уже вручил нам свои „верительные грамоты", в виде многотонных льдин. Приходилось, выходя из дома, надевать фуфайку. Тучки приняли грозную пурговую окраску. В ярангах чукчей засветились огненные овалы жирников. Все настойчивее дул норд. Через косу опять понеслись в отлет тысячные стаи уток. Снова загремели выстрелы...

6 октября на нескольких нартах в Уэлен из Сердце-Камень прибыли работники геологической экспедиции. Неделю тому назад их должен был принять на борт пароход „Смоленск". Но берег был забит льдами, море штормило. Экспедиции пришлось двигаться на мыс Дежнева. Туда взял курс и пароход.

Люди пришли к нам усталые, небритые, в намокших торбазах. По тундре и сопкам они ехали без сна двое суток. Получив сведения, что „Смоленск" простоит в Дежневе еще пару дней, они охотно остались у нас ночевать

А утром выпал глубокий снег и лег на землю толстым пушистым покрывалом. Экспедиция на нартах умчалась к месту назначения.

На зимовке у нас было много приятного и нового. В этом году будем работать с большими удобствами и техническими возможностями. С каждым днем оснащение зимовки улучшается. Башня ветродвигателя уже была собрана, свинчена и лежала на гребне косы большой железной пирамидой. Рядом вырыли котлованы для башенных лап. Через недельку пойдут в ход подъемные лебедки, поставим башню на дыбы и ее железные лапы будут стиснуты тоннами окаменевшего цемента...

На снежном фоне косы близ „большого дома" уже вырос новый бревенчатый домик. В гребне его крыши высятся мачты для метеорологических приборов. Внутри домик очень удобен — печка и потолки побелены, из фанеры сколочены полки, шкапы для приборов и бумаг. Зимовщики сами смастерили скамеечки, столы, перегородки...

В метеокомнате получилась почти „научная обстановка". Рядом за дверью расположились спальные комнаты. Над койками наши специалисты прикрепили к ситцевым перегородкам гравюрки, портретики, фотографии.

На широком плече ближней сопки появился к зиме электромаяк. Он представляет собой широкий бревенчатый домик, увенчанный вышкой, на которой укреплен мощный прожектор. Внизу установлен электромотор. С наступлением сумерек пронзительный глаз маяка внимательно осматривает дали, заглядывает в море, бродит по косе заливая светом прожектора Уэлен и вершину сопки.

В октябре уехала на мыс Дежнева геологическая экспедиция. По горизонту прошел гордый

силуэт ледокола „Красин". На материк пора было возвращаться нашему парторгу Семину, Гоше Цыбину и троим плотникам. Парторга зимовка провожала с грустью. Его любили за прямоту, сердечность и бесстрашие. Он был всегда в опасных местах первым, руководил спасением эскимосов на льдинах, искал в тундре самолет Волобуева.

Я расстался с ним у подножия сопки, и мы условились встретиться в будущем году в Москве.

Вскоре льды окружили косу холодящей суровой грядой. Пришла упорная полярная зима. Опять завыла пурга. День сократился вдвое, ночи пошли темные, умолкли гремящие прибои, закрылись снежным покрывалом коса и станция.

Начался второй зимовочный год...

Почти всю зиму с юга дула пурга, наметая снежные горы. Вокруг яранг, обдуваемых штормовыми ветрами, образовались вздувы до самой гальки, и яранги стояли в них, как в глубоких мерзлых чашках.

Пурга дула, как сказочный Черномор. Невозможно было переходить из одной яранги в другую, встречный ледяной ветер опрокидывал наземь. Не раз люди подолгу бродили вокруг жилища и с трудом находили его. На расстоянии какой-нибудь сотни метров не виден был даже свет электрических ламп. Такой зимы чукчи давно не помнили.

Особенно величественны громады берега у Наукана, самой восточной точки Чукотки. Яранги эскимосов лепятся здесь на почти неприступных береговых кручах, с ближайших вершин которых в 1648 году казак Дежнев увидал Аляску.

...7 января, когда южные ветры расчистили море от льда, на берегу засуетились люди. Морская вода приняла странный фиолетовый оттенок. Это

в несметных количествах шла морем навага широкой и густой полосой.

Как же тут было не стать рыболовом! Свободные от вахты зимовщики быстро сшили из кусков сети, мешки размером с ведро и принялись „черпать" рыбу. Через два часа улов составил 26 пятипудовых мешков. А рыба все шла и шла до поздней ночи. Даже собаки объелись богатой наживой. 11 января улов повторился. Рыбный запас станции пополнился еще... пятью тоннами наваги. Лопатами ее свалили в снеговые ямы, чтобы там заморозить.

В начале февраля на вершине ближней сопки мы установили высокий метеопункт. На высоте 660 метров от уровня моря поставлены были самопишущие приборы, укреплена палатка с запасом продовольствия, горючего и одежды. Начались систематические походы на сопку для смены лент самописцев, дополнительных наблюдений за льдами, туманами, облачностью. Лыжные отряды нашей молодежи ходили туда в каждый ясный день. За несколько месяцев накопили интересные данные об атмосферных явлениях на высоте. Разница температур на сопке и на косе нередко составляла больше 10 градусов, столь же различна была сила ветра, видимости, осадков...

Прекрасен в ясную погоду вид с сопки на Берингов пролив. За сотню километров вдаль видны в бинокль зубчатые снеговые берега Аляски, кружево припая вдоль ее берегов, движущиеся льды пролива, острия торосов. Влево от подножия сопки длинная стрела нашей косы, дальше цепь отрогов Анадырского хребта, видимая до мыса Сердце-Камень и сливающаяся где-то с синим горизонтом. Вправо громоздятся тяжелые валы гор, упершихся в обрыв науканского берега.

В шестидесяти ярангах и трех домиках Наукана живут больше двухсот человек. Местная школа, не раз премированная, обучает полсотни детей. Как и в Уэлене, здесь имеется кооперативный магазин, склады, костерезная мастерская. Впрочем, искусная резьба из кости практикуется во многих ярангах. Изящество изделий из клыков моржа просто изумляет. Это — гребенки, брошки, футляры, шпильки, пепельницы, коробочки, ручки, ножны, письменные приборы, модели шхун, угольники и многое другое.

Я не в силах был отказать себе, например, в покупке модели шхуны. Ее длина примерно 70 сантиметров. Несмотря на такой ограниченный размер, все детали выдержаны, отделаны, пригнаны с исключительным чувством пропорции. Мачты, паруса, лесенки, двери, перила, люки, иллюминаторы, реи, наблюдательная бочка, гудок, якорь, винт и прочее — не забыта ни одна мелочь, сотни деталей составляют точную модель, заслуживающую самой высокой технической оценки. Чудесно сделана якорная цепь — кольцо в кольцо из одного целого куска клыка! В маленьких перилах — красивый резной узор. Семь шлюпок и целая сеть тросиков черного цвета (из волокон китового уса) прикреплены на крошечных, но точных по форме блочках. Выточенные из того же клыка ступеньки мачтовых лестниц буквально иголочной толщины вкручены в канатики из китового уса и во всей этой сложнейшей модели ни одного кусочка дерева, ни одного гвоздя!

Что за инженер строил эту изящную, технически точную модель моторно-парусного судна? Ее мастер — малограмотный эскимос 60-летнего возраста. Он не учился ни в технических ни в судостроительных школах, не имел под руками фото-

графии или чертежей. Все это ему заменила феноменальная память. Имя старика — Хухутан. Не то в 1915, не то в 1916 году он побывал на моторно-парусной шхуне американского спекулянта Свенсона. Спустя двадцать лет, в 1936 году, его память восстановила судно во всех объемных формах и пропорциях...

В Уэлене много талантливых рисовальщиков, вроде комсомольца-чукчи Вуквола. [1] На вырезанное из кости изделие они накладывают свой оригинальный рисунок. Искусство чукчей и эскимосов очень интересно. Жаль, что его мало знают.

В рассказах о чукчах почти никогда не удается приводить точные возрастные или календарные даты. Ни один коренной житель Чукотки „не помнит" такой „детали" своей жизни, как год рождения. Во время всесоюзной переписи это вызывало неожиданные затруднения — как заполнять графу „год рождения"? Чаще всего гражданин Чукотки на такой вопрос отвечает:

— Я родился в том году, когда мимо острова Диомида проходил Амундсен...

Или:

— Мой сын родился, когда в Уэлен прилетел Водопьянов.

Товарищам, которым придется ехать на Чукотку для производства новой переписи или для работы в чукотских загсах, надо посоветовать: запастись наиболее полным списком подобных исторических дат и вообще тщательно проштудировать материалы истории Чукотки...

---

[1] Сейчас Вуквол — студент Института народов Севера им. Смидовича.

Я отвлекся от рассказа о Наукане. В этом селении живут лучшие на Чукотке мастера китобойного промысла. У науканцев, правда, нет своих хорошо оборудованных специальных судов, таких как „Алеут" или „Палтус" — весь их флот — байдарный и вельботный. Они бьют китов из медной пушечки (вероятно векового стажа) со своих кожаных байдар и досчатых вельботов и — если шторм не мешает — то „камак" (смерть) киту обеспечена. В 1934 году за короткое лето промысловая артель науканских эскимосов сумела с таким флотом добыть... трех китов. Такой запас равен трем огромным складам прекрасного мяса и жира, драгоценного китового уса, „стройматериалов" — челюсти и ребра кита заменяют здесь столбы... Слава науканских китобоев гремела по району. На китовый праздник к ним съехались гости с разных концов Чукотки. Берег был залит китовой кровью. Собаки растолстели в два дня. Гости разъезжались на нартах, перегруженных китовым мясом. Эти подарки отпускались по щедрой мерке: — „бери, сколько сумеешь увезти"...

Охотники Чукотки теперь не работают в одиночку, замкнуто.

За последние годы в районе уже не раз созывались охотничьи конференции, началось социалистическое соревнование промысловых бригад. У колхозников района существует свой сезонный план, за одну зиму (октябрь — март) они добыли 1385 песцов, 120 лисиц, 20 волков, 230 горностаев, 26 медведей, 1000 зайцев... (больше чем на четверть миллиона рублей). Такие планы нередко перевыполняются, об этом свидетельствует, например, одна из заметок, поступивших в местную многотиражку:

„Бригадир охотничьей бригады Чаплинского колхоза кандидат партии Уики является охотником-стахановцем. Уики убил 17 песцов и лисиц. Он перевыполнил свое задание в три раза, за что премирован Интегралсоюзом (факторией) швейной машиной. Вся бригада перевыполнила задание тоже втрое. Комсомолец охотник Танайя добыл 13 песцов, охотник Конвыкен — 12. Бригада Уики соревнуется с другой охотничьей бригадой. У нее в тундре устроена теплая хорошая землянка с окном, в землянке запасены продукты, топливо, горючее, посуда, приманки на зверя и корм для собак. Охотники в этом домике моют посуду и хранят ее в шкапу. Уики и Танайя были приглашены на праздник в бухту Лаврентия, и здесь Уики получил первую премию за отличную стрельбу из винчестера".

В начале февраля на другом берегу нашей лагуны показалось стадо оленей. Там было чуть ли не несколько сотен голов. Из-за глубоких снегов в этом году кочевые пути оленеводов растянулись до самого побережья. Наши зимовщики, особенно фотолюбители, тотчас же покатили на лыжах к стаду, захватив свои штативы.

Уэленские собаки, зачуяв оленей, тоже помчались за лагуну в надежде отбить у стада какого-либо слабого оленя.

Однажды это им удалось. Олень, окруженный стаей преследовавших его остервеневших собак, долго сновал по тундре. Снежная кора до крови ранила ему ноги. Собаки скакали вокруг него. Вконец измученный олень бросился к морю, проскакал припай и на глазах растерявшихся

собак бросился в волны... Больше собаки его не видали...

Накануне международного женского дня в село Нычоун, за 30 километров выехала на лыжах наша комсомольская агитбригада. Дул морозный северо-восточный ветер, поэтому один из шести участников отказался от похода. На другой день из Нычоуна вернулся немного обмороженный радист Торецкий. Он сообщил, что в селе успели провести собрание со школьниками-пионерами, потом со взрослыми. Прошли собрания вполне удачно. Товарищи вернутся через час — два.

Со станции установили наблюдение за дорожкой в Нычоун, и, когда на конце косы появились наши смелые агитаторы, навстречу им заспешила встречная бригада лыжников-зимовщиков. Прямо, как в Москве — старт и финиш!..

Через день началась пурга, длившаяся целую пятидневку. На льду лагуны образовались и затвердели высокие снежные заструги. Между тем при первой летной погоде мы ожидали прилета Фариха с долгожданной почтой. Надо было подготовиться к встрече. В два аврала мы разровняли полукилометровую площадку для посадки самолета. Заблаговременно приготовили специальный номер стенгазеты с хроникой перелета, приветствиями, фельетонами, стихами, фотоснимками наших подготовительных авралов, карикатурами. Газета была уже почти готова, только для отдела „В последнюю минуту“ мы оставили свободное место, чтобы описать в нем обстановку посадки и встречи.

Но удивить Фариха не пришлось. Когда на зимовке спешили дописать последние письма родным, на материк поступило сообщение, что самолет

сделал вынужденную посадку близ Анадыря. 27 марта еще одна вынужденная посадка. Только 4 апреля Фарих взял направление на Уэлен. Но встретив пургу, самолет повернул прямо на мыс Шмидта. Почту пришлось ждать с другим самолетом. Но стенгазета все же вышла, только отдел „В последнюю минуту“ был заменен фельетонной передовой статьей.

Третью годовщину со дня спасения челюскинцев станция праздновала совместно с чукчами, участниками спасения (они нартами перебрасывали челюскинцев из Ванкарема в бухту Провидения). Наши гости получили заслуженные премии: патефоны, бинокли, карманные часы. Колхозы и нацсоветы, отличившиеся в дни славной эпопеи, были премированы рульмоторами к вельботам и настольными биллиардами (одна из любимых игр на Чукотке) для красных яранг...

Летчик Сургучев в эти дни еще более увеличил популярность нашей авиации среди местного населения. С острова Врангеля на мыс Шмидта, а затем через Уэлен в больницу на острове Лаврентия Сургучев доставил четырех тяжело больных эскимосов. В больнице им успешно сделали операции и вылечили.

В условиях сурового севера вырастают новые кадры опытных закаленных бесстрашных пилотов. На Чукотке, впервые увидевшей советский самолет в 1927/1928 году, теперь нет ни одного селения, где бы не знали, не любили советских летчиков.

Горячо поздравляли мы прилетевшего к нам Сургучева с награждением орденом Красной Звезды за долгую и отличную работу в Арктике, героическую помощь эскимосам. Летчик Богданов, борт-

механики Островский и Румянцев награждены орденом Знак Почета. Все они и теперь выполняли самые различные задания всякий раз, когда позволяла погода и видимость.

Наша коса освободилась от снега только во второй половине июня. Со склонов сопки принесли мы первые цветы. Чукотские цветы низкорослы, но поражают яркостью окраски, ароматом. Есть тут однолетник, цветы которого мы назвали „чукотской сиренью“.

Прощай Уэлен!

Начало июня ознаменовалось штормом, сломавшим половину тридцатиметровой радиомачты. Устроили аврал, ибо несколько дней антенна висела на мачте-времянке.

Несмотря на то, что солнце в полдень жарко накаляло гальку до 27—30°, иногда неожиданно выпадал снег. Нетерпеливые любители загара искали местечка для „пляжа". Около лагуны было еще „холодновато". Решили забраться на крышу и там в свободные часы болтали и спорили о всяких „хитростях" вроде того, потонет ли пустое деревянное судно в море, если опрокинется... Двое рабочих выиграли такой „технический" спор против доктора, парторга и гидролога. Тут же они заставили „противников" производить всевозможные опыты в воде с деревянной бочкой, с дном и без дна. Но к огорчению доктора бочка упорно всплывала на поверхность...

Магнитолог Милов использовал ясный и тихий день для поездки с чукчами на моржовый промысел. Вернулись они солнечной ночью и привезли прекрасные фотоснимки.

Несколько зимовщиков ушли к сопке. Около маяка наблюдали они за удивительной игрой полярного солнца, ежеминутно меняющего свою форму (рефракция).

Эта соблазнительная тихая июньская погода на Чукотке очень обманчива. Седьмого числа наши полярники поплыли из Уэлена на север, чтобы провести в селениях подписку на Заем обороны. Вдруг море, час назад еще сверкавшее спокойной гладью, зарябило, расшумелось. Пришлось вернуться. Только через сутки море выдало свою „путевку“ и снова выехали на неделю. Подписку на заем горячо поддержало все население.

16 июля на траверзе Уэлена остановился американский пароход „Виктория“. Из различных углов США приехали парадно одетые туристы, чиновники и семейные джентльмены. Они подвергли наш Уэлен настоящему фотообстрелу. Туристы наслаждались советскими папиросами, слушали наши пластинки, замучили бесконечными расспросами собственного переводчика, все время покупали чукотские „сувениры“, бродили по косе до позднего вечера, пока не услышали вызов с парохода...

Рабочие команды „Виктории“ на берег допущены не были. Но они сумели передать на косу письмо.

> — Шлем братский привет рабочим СССР и желаем десять тысяч лет жизни товарищу Сталину!!!

Через полчаса тронулся в путь пароход „Виктория“. Скоро он скрылся за поворотным мысом, войдя в Берингов пролив...

Скоро ли появится на горизонте дым советского парохода?..

Дни ожидания шли незаметно. Механик ветродвигателя готовил подъем своей многотонной башни. Проделали это чуть ли не за полчаса. Чукчи не успели посмотреть как поднимали башню. И когда на следующий день они увидели ее, то несказанно

удивлялись: когда же „гусэмие" успели поставить на Чукотке такое чудовище?

— Ка-ак-ку-ме!.. восклицали они снова и снова.

Через несколько дней тяжелые лапы ажурной железной башни были забетонированы. Освободившись от тросов и подпор, стройная, несгибаемая башня как бы увенчала гребень серой косы новым памятником социалистической стройки.

Нам было приятно встретить этим подарком смену, которая 3 августа к ночи прибыла на веренице нарт в Уэлен.

Ночная встреча с новыми зимовщиками, совместный ужин... Дом светился огнями всю ночь: не умолкали расспросы, прибыла долгожданная почта, потом устраивали прибывших товарищей на ночлег, читали свежие газеты.

Всю ночь ритмично грохотал прибой. Лишь через неделю северный ветер улегся. Волны стихли и открыли доступ на косу для катеров и кунгасов.

И вот за нами прибыл пароход „Свердловск". Ночью 26 августа в густейшем тумане шла посадка. На берегу прощались, давали друг другу множество обещаний, советов. Чукчи помогали переносить вещи, крепко жали руки на прощанье:

— Тури аттау?.. Игр аттау? Тури Москва? Эннен гивик тури утку, Уэлен?.. (Уезжаете? В Москву? Через год опять приедете в Уэлен?)

Но вот туман скрыл от нас косу, и огромный пароход, укутанный сумерками, отошел от берега.

В прощальном параде прошли мимо нас радиомачты, стройная башня ветродвигателя, силуэты яранг, уже ставших нам по-родственному дорогими...

Прощай, прощай, Уэлен!

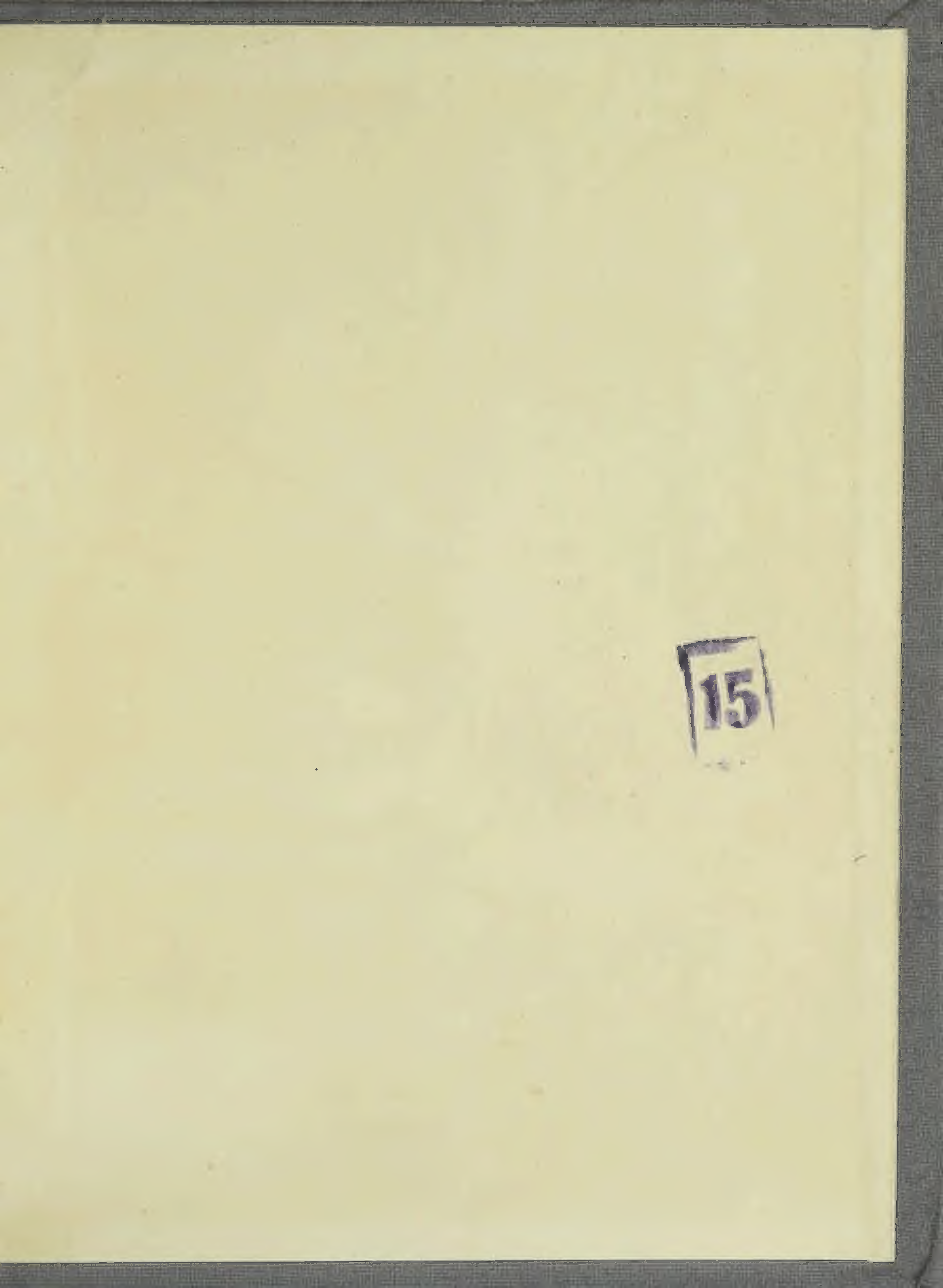
СОДЕРЖАНИЕ

На край советской земли	3
Восточные ворота в Арктику	11
Новоселье	22
Первая осень	33
Наши соседи	41
К берегу подошли льды	49
Зимние будни	55
Гибель пилотов	58
Охота и гидрология	64
Ледяной лагерь	74
Самолет над льдами	81
Поездка к соседям	88
Полярная весна	99
„Заместитель чукотского бога“	110
Строим... „железную дорогу“	115
Зимовка продолжается	125
Прощай, Уэлен!	136

Ответственный редактор *Р. Н. Кронгауз.*
Технический редактор *А. А. Соловейчик.*
Корректор *Е. К. Гофман.*

Сдано в набор 7 декабря 1939 г. Подписано к печати 20 марта 1940 г. Бум. 70×108 см. $^{1}/_{32}$. 104000 тип. зн. в 1 б. л. Объем $2^{3}/_{16}$ бум. л.; $8^{3}/_{4}$ печ. л.; $5^{1}/_{2}$ авт. л. Тир. 10 000 экз. Инд. П-36. Заказ № 3970.
Леноблгорлит № 1415.

Типография „Коминтерн", Ленинград,
Красная ул., 1.

15